

Дмитрий Соколов
Сказки и Сказкотерапия

ДУДОЧКА КРЫСОЛОВА

Кому и зачем нужна эта книга? Купите ее — и книга растает, обернется маревом, вольется в воздух и с ним войдет в легкие, пройдет через сердце, и только слабый прощальный укол напомнит, что она была.

Так же появился и ее автор — немного бочком, чуть пританцовывая, начиная исчезать с минуты появления. Почти всегда влюблен, очень занят, одной рукой листая новую книгу, слегка оправдываясь я при этом успеваю мечтать. И при его появлении окружающее пространство превращалось в чердак, и он — смеющийся купидончик — быстро пускал стрелу в себя же — печального и стареющего уже 26-летнего бакалавра сказочных наук с затейливым гусиным пером на ухом. Всегда проездом, с тайным контрактом судьбы нигде не останавливаясь. И уж кто кого поил чаем и вытирал следы дождя...

Как пишет автор, в книге содержатся сказки. Не читайте их. Пойте, вспоминайте, несите людям. Повторяйте в грозу. Так говорил Заратустра.

Комментарии к сказкам. Откроем секрет: автор молод и еще не налюбовался собой. В комментариях он отражается как в зеркалах; они увеличивают, иногда гримасничают, иногда его старят, часто добавляют цвет и всегда — делают серьезнее.

Маленькие теоретические главы. Автор — очень умен, и это без иронии. В пляске теней, в путешествиях сквозь время, в примерках профессий он приобрел немало всякого, что рассыпано по толстым фолиантам.

Автор рекомендует читать книгу залпом — последуйте его совету. Он не верит, хотя и надеется, что Вы дочитаете ее до конца.

И как же хорошо, что к Вам попадает книга, написанная в двадцать шесть, один из первых томов поэтической психотерапии будущего.

И как же хорошо, что среди неисчислимых вещей в сюртуке автора — среди забытых монет, дудочки крысолова, академической шапочки, бутылки морских капель, билета в далекую страну — оказалась и эта рукопись. Она теперь перед Вами.

Леонид Кроль

Предисловие

Давайте сразу договоримся: сказки - это одно, сказкотерапия - другое. Те сказки, которые используются в реальной психотерапевтической работе, на бумагу, как правило, не ложатся, и чужому уху непонятны (невнятны). Литературные же сказки могут служить в терапии профилактикой, тренировкой, иллюстрацией, моделью, развитием контакта, но никак не основным средством.

Почему же они помещены в одну книгу? Во-первых, во имя древних попыток сблизить литературу и психологию - и не на уровне рассуждений - что стоило бы принять во внимание...-, а в виде готовых продуктов. Во-вторых (и во-первых), автора давно интересует использование методов психотерапии в мирных целях. Накоплено такое количество замечательных приемов работы с больными, что явно есть чем поживиться здоровым. Многие из напечатанных здесь сказок (как ни стыдно в этом признаваться) - сделаны - на основе психологических теорий и при проигрывании психотерапевтических техник на себе самом. В третьих (оно же во-первых), многие из собранных здесь сказок были когда толчком, а чаще результатом реальной терапевтической работы с пациентами и с собой.

Итак, книга содержит:

- [сказки](#)

- комментарии к ним

- **маленькие теоретические главы о сказкотерапии и сопутствующих идеях.**

Очень рекомендуется отнестись к этим частям как к отдельным книгам и читать залпом только выбранную линию (благо они выделены разными стилями). Прохвост, двинувшийся напролом, рискует превратиться в автора. Сказки и теория написаны (или переписаны) мною. В комментариях участвуют также

Действующие лица:

Автор, он же Братец Гримм - худощавое сплетение рук и ног. 26 лет. **Критик, он же Братец Вайнер** - толстяк, курильщик, циник неполных 30-ти. **Строгая учительница** - преподаватель русского языка и литературы средней школы. **Супруга Критика**. Те же 30, но вы бы не угадали. **Розовая девушка** - чудесное создание 19-ти лет. **Едкая девушка, она же Пофи** - если искать аналоги, то скорее хиппи. Джинсы, водолазка. Лет 18-20-25. **Психолог-милашка** - молодой человек с образованием (24 года). **Настоящий мужик - физик или моряк**. 47 лет. **Маленький мальчик, он же Маленькая девочка** - скоро 10, а пока 7 лет. **Дедушка Фрейд** - как на портрете, исполненном для детского сада. Чистый образ. **Дух Востока**.

Маленькая теоретическая глава 1 СКАЗКОТЕРАПИЯ КАК ЕЕ НЕТ

Идея сказкотерапии в ее общепринятом понимании примерно такова: терапевт, зрящий в ядро проблемы, сочиняет сказку, в которой предлагает и/или внушает метафорическое решение этой проблемы.

Я думаю, так почти не бывает.

Это представление во многом возникло из историй о Милтоне Эриксоне и книг его последователей и дешифровщиков. Схема не учитывает пары моментов. Эриксон - гений, и так никто работать не умеет. Плюс книги о нем во многом стерилизованы, а его собственные статьи хорошо показывают, что метафоры были только очень малой - пусть и важной - частью огромной, долгой и многосторонней работы. Большинство же остальных книг вообще сделаны по очень простым принципам: красивые иллюстрации, вырванные из контекста, теории - о том, как строить метафоры- и перепевы. Их похожесть на основоположников и друг на друга меня отталкивает; мне кажется, что выученное сохраняется в том же виде только в одном случае: если человек с этим вживую не работал. То, что пропускаешь через собственную работу, как минимум видоизменяется.

Для меня сказка больше не снайперская винтовка, а оружие массового поражения.

Я думаю, что сказка **может** быть использована для того, чтобы предложить пациенту, особенно ребенку, способы решения конкретной проблемы. Но это только один из возможных путей ее использования. Вот как я обозначил бы другие пути:

1) Сказка дает великолепный **общий язык** для взрослого, работающего с ребенком. Обычно они разговаривают на разных языках. При этом двуязычен скорее ребенок, а проблемы с общением есть скорее у взрослого. (Тем более что это взрослый чего-то хочет). Язык сказки их естественно сближает.

2) Сказка более **информативна**, чем обычная стиснутая речь. Она не видит свои положения за что-то более серьезное, чем символы, метафоры и аналогии. В этом плане сказки, которые сочиняют сами пациенты, дают и материал для анализа, и названия для индивидуально значимых понятий.

3) Сказка способствует пробуждению **детских и творческих сил в самом терапевте**. Она активизирует то, что я бы назвал -метафорической железой-, понимание и работу на уровне интуиции, архетипов, первого впечатления и т.п.

4) Сказка несет **свободу**.

Достаточно? Мне - да. По большому счету, я думаю, сказка - это один из инструментов, на которых хороший психотерапевт, как хороший музыкант, должен хоть чуть-чуть уметь играть (скорее барабан, чем фортепиано). И конечно, как всякий инструмент, она может стать любимым и основным.

Что же касается сказки, бьющей в десятку конкретной проблемы, сочинить ее для себя трудно, для других капельку труднее. Дело еще вот в чем. Решение решению рознь. Я бы выделил три вида решений, которые может предложить сказка - и которые вообще могут работать в процессе психотерапии. Это, во-первых, **правильные решения**, то есть культурально принятые, всеобщие, авторитетные. Во-вторых, это **свои** решения самого психотерапевта, то есть его собственные способы, которые он успешно - или скорее привычно - использовал в своей жизни. И в-третьих, это **собственные**, личные решения самого человека, клиента. Всем этим решениям соответствуют разные стили работы, и все они работают по-разному. Правильные лежат на поверхности, они легче всего в употреблении и, пожалуй, наименее эффективны (человек с ними, скорей всего, уже многократно ознакомлен). Свои решения - это, может быть, и есть самая распространенная форма психотерапии. Их очевидная форма - совет. Замаскированная - большинство приведенных здесь сказок. А

собственные решения - это вещь самая ценная, но и самая трудная. Они-то бьют в десятку, но поди их найди. Впрочем, можно, тем более что никто не обязывает делать всю работу наощупь и в одиночку. После маленькой теоретической подготовки мы доберемся и до маленьких приемов, облегчающих дело.

ЛЕНЬ-РЕКА

Кап, кап... Кап... Синь да тень, ночь да день, то ли снег, то ли дождь, коли век обождешь - там узнаешь...

Целый день среди стен, думать лень, кушать лень... Лень вставать, лень лежать, лень глаза открывать... Лень-река разлилась...

Ах, и раздолье на Лень-реке! Вдаль уплываю на челноке! Ширь така! Глубь така! Хо-ро-ша Лень-река! Ох, хороша!

Я на лодке плыву, весла волочатся. Хочу рыбу поймать большущую, жду, пока сама в лодку заплывет. Ловить-то лень! Но, однако, не плывет рыбина. Я размышляю: чего ж она ждет, в лодку не плывет? Думаю: борт высок. Взял топор, в борту дырку прорубил. Вода потекла. Лодка моя ниже, ниже, ну и на дно приплыла. Рыбы кругом - море. Ну не море, река. Только за хвосты хватай. Ну, мне хватать-то лень. Лежу и думаю: как мне рыбу-то наловить? Придумал. "Эй, - говорю, - рыбы! Как вам не лень плавать, плавниками да хвостами шевелить?" Рыбы забулькали, задумались. "И верно, - говорят, - лень!" Перестали они хвостами шевелить, стали на дно опускаться. И в лодку мою их нападало - целая гора. Тут я лежу, ленюсь, а кругом они лежат, ленятся, а иные-некоторые и на мне лениться пристроились: большие на пузе, мелкота в ладошках. "Ого, - думаю, - цельну лодку наловил, пора домой плыть". А как плыть: в лодке дыра, грести неохота? Придумал Лень-реку обмануть. И говорю ей: "Лень-матушка, ласкова касатушка! Приголубила ты меня и приют ила, а я ведь - стыдно сказать - не твоего поля ягода! Парень я работейного складу! По утрам я - раз - зарядку делаю! Потом - бывает, что и полчаса - читать учусь, и букв знаю немало десятков! А уж рисовать примусь - хоть изба гори, свое домалюю! Ах, и стыдно мне в таком признаваться, но ведь..."

Не успел и выговорить, как Лень-река испугалась, возмутилась, и меня с лодкой ка-ак выплеснула! Не только на берег, а так наподдала, что до родного дома мы в минуту домчались!

Хороша Лень-река, привольна. А и дома хорошо. Рыбы у нас теперь всюду живут: мелкие вроде канареек, а на крупных мы как на лошадях катаемся.

* * *

Автор наедине сам с собой.

Автор. Ума не приложу, как тебе удалось написать такую хитовую сказку. Расскажи-ка нам, как ты ее конструировал.

Автор. Однажды я решил записать целую кассету сказок для болеющих детей. Не просто сказок, а целебных сказок. Самое трудное было, конечно, начать. И я решил, не мудрствуя лукаво, воспользоваться принципом подстройки и ведения. То есть начать прямо с начала, подстроившись к состоянию потенциального слушателя. Я стал погружаться в это состояние. Вначале вспомнил, как сам болел...

Автор. Я обожал болеть в детстве...

Автор. Вот ребенок лежит, куксится... И такая маленькая лень превращается в большую, когда лень не только в тебе, но везде вокруг. Она растекается, сливаются детали, и от слов остается скорее ритм, узор, будто рябь... Все, река сама появилась.

Автор. Как интересно...

Автор. Но! я же не просто так туда лез. Дальше я хочу все это куда-то привести. И за подстройкой следует ведение. Я, вроде бы не изменяя обстановки, раз-раз туда лодочку. И состояние сдвигается изнутри. Само собой. Все, действие пошло! И без всякого резкого прыжка конец сказки уже вполне активный.

Автор. И чему ты радуешься? Нашел хитрый способ манипуляции чьим-то состоянием?

Автор. Э-э-э, нет, там, где произошла хорошая подстройка - там уже никакой манипуляции нет. Я сам прошел через все это! И ленился, и взбодрился. Так что - все честно.

Вообще начало сказки очень важно. Оно должно быть правдивым! Прыгая из одной головы в другую, сказка не имеет времени и пространства для построения собственной реальности (да и непонятно, зачем ее строить). И в главные герои в лучшем случае - и за это стоит бороться - берется слушатель. А для этого надо коротко и ясно описать ему сущность его же жизни. А хороший слушатель - это тот, кто старается себя узнать. И когда он кивает сказочной репризе: "Это же как я!", происходит идентификация. Слушатель - особенно ребенок - становится героем, и дальше разделяет его судьбу.

А теперь посмотрим, с чего начинаются обычные сказки. Умирает король. Детей отводят в лес. Короче, большинство классических сказок начинается с чего-то, мягко говоря, грустного. Даже вот как: с того, что в нашем буквальном взрослом понимании называлось бы трагичным.

О, это уже интересно. Зачем это нужно? Пока не будем об этом. Только предположим, что сказка - вовсе не плевое дело, и что может быть она нужна не просто так. Во всяком случае, народная сказка, которая смело берется разбираться с самыми грустными сторонами человеческой жизни. Авторские легко могут туда не лезть, и даже скорее предпочитают так и делать.

Критик. Знаешь, -Лень-река- - это, может быть, единственная приличная сказка, которую ты написал. Вот интересно, ты тоже ее... как ты там выражаешься... конструировал... по всяким своим психологическим принципам?

Автор. Ты что, разве такое конструируется. Просто однажды я поклялся воспеть все гонимые и отвергаемые человеческие чувства. Я начал с лени, но это только первая проба. В непродуманном будущем я воспою хвалу гневу, ревности, жадности, страхам, тоске, депрессии и раздвоению личности.

Критик. Слушай, что ты мелешь? Какая хвала тоске и депрессии?

Автор. А какая хвала лени?

Критик. Ну, лень - приятная штука, не скажи... Она дает... негу, что ли... Ну да, она дает негу.

Автор. А тоска? Подумай: сладкая тоска по своей невинности. Томление воспоминаний о собственной доблести. А уж тоска по детству - просто психологическая нирвана.

Критик. А депрессия?

Автор. А депрессия - может, не клинический, но нормальный молодежный депресняк - для кучи народа является одной из основных мотиваций для движения. Если не вперед, то вообще хоть куда-то. Но тут даже не в этом дело. Просто я думаю - или я даже уверен - что любая из наших страстей и любое наше состояние обеспечено серьезной душевной валютой. Это, во-первых, энергетическая валюта, то есть специфический источник энергии, к которому только это состояние имеет доступ. Во-

вторых, это валюта альтернативного понимания жизни, то есть особая, обычно вполне развитая и продуманная логика. А я - альтернативщик. То есть вслед за Василь Васильичем Розановым я полагаю, что на предмет нужно иметь не одну точку зрения, и не две, а миллион.

Критик. И не лень тебе их столько придумывать?

Автор. Ну, если очень активно не закрывать глаза и прорубить в своем борту хоть маленькую дырку, то они в лодку к тебе сами падают.

Критик. Так-таки сами?

Автор. А вот и сами. И сами же рассаживаются по местам. Мелкие вроде комментариев, а крупные мы в теорглавы отправляем.

Маленькая теоретическая глава 2

ОСНОВНЫЕ ПОДХОДЫ К ПСИХОЛОГИЧЕСКОМУ АНАЛИЗУ СКАЗОК

Говоря о психологическом анализе сказок, я вовсе не утверждаю, что сказанное имеет отношение к их реальному происхождению. Мне неважно, как возникли сказки; я просто думаю, что в любом случае - представляет ли они собою десакрализованные мифы, зашифрованные ритуалы, исторические хроники или младенческий бред - они производят какое-то психологическое действие на современного ребенка и взрослого. Именно оно меня и интересует. Кроме того, я не представляю, как могла бы сказка так сохраниться и продолжать жить в культуре, буквально всем отличающейся от той культуры, где она первоначально возникла, если бы она не была наполнена каким-то важным психологическим содержанием. У нас и у тех древних народов все разное - язык, государство, обычаи и т.д. - и трудно представить, что нас может объединять, если не устройство психики.

Одной из привлекательных для меня сторон психологии является отсутствие в ней главенствующей точки зрения. Каравай, каравай, кого любишь - выбирай. Нам тем более есть из чего, потому что сказки - слишком очевидная вещь, и почти ни одна серьезная психологическая школа не прошла мимо того, чтобы дать свой способ их анализа и понимания.

Один из самых простых подходов - поведенческий или бихевиоральный - велит относиться к сказкам как к описанию возможных **форм поведения**. Чисто прагматически сказки могут объяснять ребенку -Что будет, если...- Сказочный посыл тут оказывается абсолютно реалистичным. Принцип из -Репки-: не получается - пробуй еще раз, привлекая любые доступные ресурсы. Из -Колобка-: как далеко можно отойти от мамы. На шаг - ничего, на два - спокойно, на три - нормально, на четыре - съедят. Из девочки в услужении у Морозко: на до слушаться. И так далее.

Трансактный анализ обращает основное внимание на **ролевые взаимодействия** в сказках. Иными словами, каждый персонаж может описывать реального отдельного человека, вернее - определенную роль, которую человек может играть или даже брать в основу своего жизненного сценария. Эрик Берн прекрасно описал, как может вести себя в жизни Красная Шапочка или Спящая Красавица. Когда-то посмотрев таким образом на русские сказки, я подумал, что хитрая лиса, глупый волк и удачливый заяц могут быть описанием обычной семьи из мамы, папы и сына. Это стало основой сказки про сундук.

Другой очень плодотворный подход рассматривает героев сказки как **субличности**, части "я" одного человека. Это в основном является точкой зрения юнгианской аналитической психологии. Все, что происходит в сказке, можно представить как внутренний процесс, в котором, например, принц - сознание - ищет принцессу - аниму, женское начало - и в процесс вовлечены его собственная мудрость (лесной старичок-советчик), слепая агрессия (дракон) и так далее.

Те, кто уделяют основное значение **эмоциям**, также часто рассматривают сказочных героев как персонифицированные эмоции. Какими бы выдуманскими ни были персонажи и их действия, вызываемые ими эмоции совершенно реальны. При этом чаще всего говорят об отыгрывании эмоций, то есть о том, что в сказке ребенок проживает такие эмоциональные состояния, которых ему не хватает во внешней жизни. Взрослым бы очень понравилось такое положение дел: отыграл все эти ужасы там и возвращайся к нам чистеньким. Конечно, все не так просто. Но назвать сказку испытательной площадкой для трудных эмоций мы, пожалуй, можем; как можем и назвать ее базовым руководством для превращения пугающих и запретных эмоций в приятные. Вообще эмоциональный анализ сказок, при котором основное внимание уделяется тем чувствам, которые пробуждает сказка, - дело чрезвычайно плодотворное.

Гипнотическая школа обращает внимание на сходство между наведением транса и прослушиванием, проживанием сказки. Сама атмосфера часто почти одна и та же: ребенок слушает сказку, засыпая, от человека, которому он доверяет; речь ритмичная, в ней повторяются непонятные формулы (присказки и т.п.). Соответственно сказка может не только предлагать, но и внушать. Уже упомянутая идентификация говорит о том же: сказка - не просто описание возможностей, но достаточно активное, хотя и недирективное, **внушение**. Чего? Чего угодно: моделей поведения, ценностей, убеждений, жизненных сценариев. В этом плане можно говорить, что сказка несет в себе message - "сообщение", "послание", аналогичное недирективному постгипнотическому внушению. Это стоит иметь в виду.

Важной чертой сказки является то, что в ходе ее происходит **трансформация**. Некто маленький и слабый в начале к концу превращается в сильного, значимого и во многом самодостаточного. Это можно назвать историей о повзрослении. Юнг говорил о похожем, когда основным мотивом сказки считал процесс индивидуации. Это не вообще повзросление: это вполне конкретная его стадия, на которой уже оформившееся и отделившееся сознание возвращается к своей подсознательной основе, обновляя и углубляя их взаимные связи, расширяясь, обретая доступ к новым архетипическим образам и энергиям. Можно сказать, что ребенка сказка тянет вперед, а взрослого возвращает назад, в детство. Так и тянется она ниточкой, сшивая порванные края...

ФИОЛЕТОВЫЙ КОТЕНОК

Фиолетовый котенок мыл лапы только в лунном свете.

- Ну что мне с ним делать? - кошка всплескивала лапами. - Ведь хороший, умный котенок, а тут - ну что ты будешь делать, хоть кол на голове теши - ни в какую. Только в лунном! Ну что ты будешь делать?

- Да что с ним цацкаться? - рычал кабан. - Макнуть его головой в солнечный ушат или просто в речку! Ишь ты - все котятка как котятка, а этому лунный свет подавай!

- Он просто глупый, - каркала ворона. - Голова маленькая, мозгов немного. Вырастет - его из солнечного света не вытащишь!

Фиолетовый котенок мыл лапы только в лунном свете.

Луна была большая, белая, яркая.

- Милый котенок, - говорила Луна, - а почему ты фиолетовый?

- А как бывает еще? - удивлялся котенок.

- У меня есть брат, - сказала Луна, - он очень большой и ярко-желтый. Хочешь на него посмотреть?

- Он похож на тебя? Конечно, хочу.

- Тогда не ложись спать, когда я стану таять в небе, а немножко подожди. Он выйдет из-за той горы и займет мое место.

Ранним утром котенок увидел Солнце.

- Ух, какой ты теплый! - воскликнул котенок. - А я знаю твою сестру Луну!

- Передай ей привет, - сказал Солнце, - когда встретишь. А то мы редко видимся.

- Конечно, передам.

Фиолетовый котенок теперь умеет мыть лапки не только на солнце, а даже в мыльной ванне.

Ну и что?

* * *

Автор. Это сказка про мое отношение к воспитанию. Кошка, кабан и ворона - это обычные методы воспитания. Это, в сущности, вина, угроза и насмешка. А Луна - это символ веры. Она не воспитывает котенка, а расширяет его мир. И главное для меня вовсе не то, что он научился тому, что от него хотели.

Братец Вайнер. Но ты что ж, считаешь, что дети не должны мыть лапки... то есть руки в солнечной ванне?.. То есть, черт возьми, их не нужно учить становиться взрослыми?

Дедушка Фрейд. Задумайтесь над пугающим контрастом между сияющим умом здорового ребенка и слабоумием среднего уровня взрослого.

В пять лет гений, в семнадцать - солдат... Какую грань мы перешли посередине?

А ведь я так стремился побыстрее стать взрослым... Нет, я не думал, что все так получится. Я хотел научиться работать, но не хотел разучиться играть. Что за дурацкий обмен: веселую жизнь на скучную?

Мало того - потом мы еще идем в родители, учителя или воспитатели. Это хитренько: мы устраиваемся если не в том мире, то рядышком. Мы добираем. Но по кругу своих обязанностей мы делаем вот что: мы берем их - и перетаскиваем туда, где не хотим находиться сами. Как несчастная кошка или глупая ворона.

Как стая дельфинов в море, где-то в нас живет та вольная энергия, которой хватило на все наше детство, и хватило бы на всю жизнь, если бы не... Милые мои! Что ж мы такие серые и скучные? Дайте ей поиграть на поверхности!

Тише. Только никому не рассказывайте. Иногда мне кажется... что нам не нужно знать закон Бойля-Мариотта (а его никто и не знает). И формулу фенолформальдегидных смол... И таблицу умножения... Тс-с-с... Вы никому не скажете? Я думаю, что даже... Нет, это уже крамола. Чур меня... Все, все, закончили.

Стукали-пали я и все мои друзья!

Маленькая теоретическая глава 3

КОД В МЕШКЕ

Спокойно осознавая, что мы не воспринимаем мир таким, какой он есть, а живем согласно его моделям или, скажем, репрезентациям, давайте присмотримся к тем моделям, которые нам известны. Вот логическая, около нее естественнонаучная, вот здравый смысл, мораль, эстетика... Для объяснения своих поступков нам этого явно не хватает. Вот любимая сказочная (мифопоэтическая). Многие жизненные поступки могут управляться именно такой моделью - вспомним Берна, сценарии. У нее есть еще одно преимущество: она познается ребенком раньше большинства других. Разве что система морали может с ней поспорить за первенство. Но не о первенстве речь.

Сказочные сценарии, повторяя друг друга, валом валятся на ребенка в исключительно нежном возрасте, сопровождая его все то время, когда наиболее активно развиваются язык, логика и эмоциональная целостность. Они не могут не повлиять на его поведение. А если поверить Берну, они могут играть очень влиятельную роль в образовании общего жизненного сценария. Работа со сказками - про себя- убеждают меня в том же.

Вы представляете себе, как передаются гены? (Судя по тому, как часто у меня в кабинете родители говорят: -Это у него наследственное-, разбираются в этом все). Давайте объединим эти знания и наметки. К примеру, в такую таблицу:

ГЕНЫ:

В подавляющем большинстве образовались очень, очень давно - даже в рамках палеонтологического времени.

Передаются от родителей детям целым набором (все или ничего).

Служат матрицами и источниками информации для построения тела. Обычно существуют в формах альтернативных вариантов (аллелей). Другими словами, один признак обычно кодируется несколькими генами, распространенными в сообществе растений или животных. В данном организме -работает- только один ген (доминантный), остальные -молчат-, либо дополняют его действие.

Действуют автоматически, по изначально заданному плану, но для работы многих генов характерна зависимость от внешних и внутренних условий развития организма (степень выраженности их признаков, а также иногда выбор между альтернативными вариантами).

Максимально приспособлены для того, чтобы передаваться от одной особи к другой. Для того, чтобы успешно передаваться, не обязательно должны нести организму пользу - достаточно не причинять в данных условиях вреда.

СКАЗКИ:

Время появления основных сюжетов не установимо. В масштабах человеческой культуры - очень давно.

Передаются от старшего поколения младшему в виде -пакета- с основными зафиксированными сюжетами.

Могут служить матрицами и практически наверняка служат источниками информации при образовании основных форм поведения и жизненных сценариев.

Большинство основных сюжетов имеют несколько (обычно много) вариантов, из которых в данной местности или стране принят только один. Соответственно каждый конкретный ребенок узнает, как правило, один вариант сюжета.

Работают преимущественно на бессознательном уровне. В жизни конкретного человека степень проявленности, а также выбор между заранее подготовленными действиями (-сценарными ходами-) зависит от конкретных событий, и, таким образом, - а возможно, иногда и напрямую - от работы сознания.

Являются, возможно, самой устойчивой формой передачи информации в культуре. Подавляющая часть их ровесников - мифов, законов, даже моральных принципов и технических приспособлений - сегодня в первоначальном виде живут в лучшем случае в специально изучающих их науках, но не в живой культуре.

Из такого сравнения можно вывести следующую метафору: так же как родители, сами того не подозревая, начинают детей своими генами и таким образом программируют построение их тел, они позже начинают тех же детей сказками, передавая таким образом - опять-таки, совершенно не намеренно - способы поведения, ценности, убеждения и в конечном итоге жизненные сценарии.

Красиво, правда?

СКАЗКА О МИЛОСТИВОЙ СУДЬБЕ

Росло два деревца: молодых и красивых.

Вечерами они шептались о судьбе.

- Я вырасту высоким и раскидистым, - говорило одно. - У меня в ветках поселятся птицы. В моей тени будут укрываться олени и зайцы. Я первой буду встречать солнечные лучи и утренний ветерок. Пройдет время, и меня окружит поросль моих детей. Они будут такие маленькие и замечательные...

- Нет, говорило другое, - расти страшно. Зимой бьют морозы, летом сушит солнце. Целый день труди корни, гони воду вверх, корми листья. Нет, пусть лучше меня возьмут дровосеки, а потом плотник выточит из меня что-нибудь прекрасное. Я буду лежать на бархатной подушке...

И что бы вы думали? Пришел бородатый дровосек и срубил второе дерево. Часть его сожгли в печке, а из ствола плотник сделал резную шкатулочку. И долго шкатулка лежала на бархатной подушке, храня в себе сережки, бусы и дорогие духи. Потом разохлась потихоньку, замочек сломался. Шкатулку отдали детям, они ее быстро доломали и выкинули. Где-то на дворе валялись ее щепочки до зимы, а там уж - спроси у ветра! Ветер станет спрашивать деревья в лесу, и одно из них - то, что было когда-то первым деревцем, - расскажет, что вороны свили на нем гнездо, встроив в стенки щепочки старой шкатулки, как подружки узнали друг друга и подивились милостивой судьбе.

Они достигли своих целей, а вы достигнете своих.

ЧАЙКА ДОЛЛИ

Чайки, по-моему, - замечательные птицы. Я обожаю чаек. Когда они летят над морем, я не в силах оторвать от них взгляда, у меня замирает дыхание и сами собой поднимаются руки.

Одна моя знакомая чайка Долли, достигнув замужнего возраста, построила уютное гнездышко и села в него насиживать четыре белых яичка. Она была очень заботливой и ответственной мамой; только очень-очень редко она улетала от своих яиц на море, попить и схватить пару рыбок - и сразу спешила назад к своим ненаглядным продолговатым крошкам.

И вот что случилось однажды, когда у Долли сильно забурчало в животе. Она прикрыла яйца травой и пухом и полетела вниз. Так приятно было скользить по ветру упругими крыльями и так чудесно было ловить юрких рыбок в теплой воде, что счастливая Долли самую чуточку задержалась у моря; но потом привычно заволновалась, захлопала крыльями и полетела в гнездо.

О ужас! Одно яйцо было разбито! Пух и трава были раскиданы, а половинки скорлупы лежали совсем не там, где должно было быть четвертое яйцо! Бедная, бедная чайка на минуту окаменела на краю гнезда, а потом прыгнула внутрь, и тут -

- Пи-и-и! - из-под ее ног что-то как закричит!

Она как отскочила! Клюв выставила, грудь выпятила, смотрит - сидит у ее ног маленькое жуткое существо: мокрое, взъерошенное и удивительно неуклюжее. Всего-то у него и есть, что тело-мешок и голова.

- Эй! - закричала чайка. - Ты кто?

Жуткое существо пялило на нее глазенки. Рот у него был растянут в глупой улыбке, но постепенно собрался и нахмурился: оно задумалось.

- Не очень знаю, - призналось оно. - А ты?

- Хозяйка этого гнезда! - и Долли надвинулась на пришельца, грозно тряся клювом и перьями. - Яйцо ты разбил?

Существо посмотрело на остатки скорлупы, опять растянулся его рот, и оно так трянуло головой, что та завалилась куда-то вниз и исчезла. Затем тело его стало трястись, и в результате каких-то внутренних бултыханий появился глаз, затем другой, а затем и рот в своей дурацкой ухмылке.

- Да! - объявило маленькое чучело. - Я.

- Негодяй! - рассвирепела чайка. - Убийца! Ты зачем, - и тут она заплакала, - мое яичко...

Чучело все как-то сморщилось - не то от страха, не то в недоумении. Оно даже закрыло глаза и запрокинуло голову, чтобы посмотреть сквозь щелочки.

- Сейчас всех чаек созову. - сквозь слезы говорила Долли. - Судить тебя будем. Заклюем. Ты зачем детеныша моего разбил?

- Так я оттуда же. - залепетал кошмарик. - Я сам оттуда, а оно само...

- Чего? Откуда ты? - всхлипывала Долли.

- Из этого... Как вот те... Белого... И оно само...

- Как само?

- Я там внутри сидел, - расплакался наконец пришелец.

Чайка посмотрела на него, потом на скорлупу, потом опять на него.

- Ой-ой-ой, - сказала она. - Ты там правда внутри сидел?

Мальш кивнул.

- Так ты мой детеныш! - всплеснула крыльями мамаша.

Догадалась! Ну скажите, как так можно? Хотя, конечно, если сидишь ты одна-одиношенька на своих белых яичках, и вдруг одно из них разбито... Но слушайте, что было дальше.

Отцеловав и причесав своего птенца, Долли задумалась.

- Мой малыш, - объявила она, - тебе нельзя тут так сидеть. Ты еще слишком маленький. Ну-ка, полезай в яйцо.

- Зачем? - вякнула крошка.

- Тут и объяснять нечего, ты еще недоразвился, чтобы на воздухе гулять. Вот посмотри, - и Долли показала ему на три оставшихся яйца. - И тебе так нужно. Давай, малыш, давай, мой хороший.

Конечно, совсем в разбитую скорлупу она его не запихнула, но худо-бедно посадила в одну половинку, прикрыла другой и села сверху.

- Удобно? - спросила Долли.

- М-м-м, - донеслось снизу. - Так себе. Долго мне так?

- Пока не вырастешь. Сиди, мой хороший. Не высовывайся.

Прошел час. Долли задремала. Услышав ее мерное посапывание, птенец постучался в соседнее яйцо и зашептал:

- Первый, первый, я четвертый, просыпайся.

- А я не сплю. Как дела на улице?
- Кошмар дела. Никакого ходу. Обругали и назад засунули.
- Н-да... А чего там?
- Там море... Такое классное, как на картинке. Во бы туда слетать!..
- Слушай, я тоже хочу, - заволновался Первый.
- И я! И я! - запищали Второй и Третий.
- Дети, чего вы там? - вдруг проснулась чайка.
- А мы уже не дети! - закричали все четверо. Раз! - и вылупились.

* * *

Это веселая сказка на одну из самых грустных тем. Как будто мама жизнь дает, она же ее и отнимает.

Я обычно не очень переживаю за проблемы своих пациентов. Ну подумаешь - энурез, аллергия, двойки и подобная чепуха. Да и они не очень опечалены этим скарбом. Их приводят мамы и уводят мамы. Мама волнуется. Дети отвлеченно играют или неизвестно чему радуются.

Но больно, когда нормальные хорошие люди вдруг входят в роли Мам и начинают терзать своих деток. Когда в моем кабинете, когда по выходе начинается бесконечная атака: -Не сиди так. У нее очень плохая память. Он ничем не интересуется. Ставь ногу правильно! Почему ты не отвечал доктору? Стой. Сиди. Молчи. У него совершенно нет уверенности в себе-- И дальше, дальше, как ручей журчит, как вороны каркают. И мне становится стыдно перед подавленным ребенком, что я тоже взрослый и не могу ему помочь. И я вижу в болезни средство защиты и тайного противостояния. У меня не хватает духу - да и сил - да и желания - отбирать его.

Так часто и идет: мы что-то делаем, мама рушит.

Однажды я сказал одной маме: -Я не волнуюсь за здоровье вашего ребенка. Чего я правда боюсь - это что она станет похожей на вас. Смотрите: она улыбается, вы нет. Я боюсь, что вы заберете у нее улыбку-. А мама мне сказала: -Я все понимаю. Я не могу остановиться-.

Любовь, страх, совесть- Все очень просто: они перекладывают на детей свой смысл жизни. Очень трудно заставить их говорить о себе: они говорят о своих детях. Идея построить и прожить чужую жизнь обречена на неудачу.

Почему? Так тоже можно. Спокойно можно воспитать ребенка-неумеху, держать его при себе до свадьбы, да и потом, владеть им до смерти, да и после. Здесь так близко к исполнению любовной идеи: ты меня не переживешь.

Можно. А аллергия - чепуха. До свиданья, доктор. Вы нам не помогли.

Я обращаюсь к детям-

На кухне у Строгой Учительницы и Братца Вайнера.

Братец Вайнер. Знаешь, Братец Гримм, я тоже однажды придумал сказку. Как-то один кусочек хлеба (отрезает ломоть) был сверху намазан маслом... (Намазывает свой кусок). А пото-о-ом... (лезет в холодильник) на них сверху легла колбаса (отрезает кусок колбасы, кладет сверху). И я их съел! (Жуя) И я так думаю: моя сказка - самая лучшая. В начале ее все разобщены, а в конце происходит полная и счастливая интеграция всех ресурсов на благо главного героя. (Хлопает себя по животу. Доволен).

Строгая учительница. Ой, подождал бы обеда. А у меня, знаешь, никак не идет из головы то, о чем ты рассказывал: нет мам. Как же так, в сказках нет мам... У меня все время это крутится в голове...

Братец Вайнер. Я тебе расскажу, почему тебя это беспокоит. Ты везде хочешь просунуть свой нос. Вот пап в сказках сколько угодно. Тут тебе и мудрый король...

Братец Гримм. И глупый король...

Братец Вайнер. И глупый король - но король! Вообще мужских героев гораздо больше, чем женских. А почему?

Строгая учительница. Болтаете вы больше - вот почему.

Братец Вайнер. Возможно. Но главный символ - вдумайся, женщина! - это то, что мужчина символизирует дух, поиск новых путей и вообще мир возвышенного. Мать - это материя. Земля - это мать. Она рождает и кормит, а уж потом за дело берется мужчина, который берет ребенка из низов и выводит на уровень духа.

Строгая учительница. Ой, болту-у-ун...

Братец Гримм (учительнице). Смотри, ведь в сказках на самом деле очень много мам. Каждая мачеха - это неправильно понятая мама. Это та ее сторона, которая оставляет, требует и наказывает. Эту сторону ребенок может отделять и как бы выкидывать. То ли потому, что он не может справиться с амбивалентностью, с тем, что самое лучшее одновременно является самым худшим. А может быть, в него слишком твердо внедряется постулат, что маму нужно любить. И вот на виду остается любящая прекрасная мама, а все злостные ее черты выбрасываются и конденсируются в образы абсолютно злых существ типа ведьм и мачех. И растерзать или сжечь их в конце сказки тоже становится приятным занятием...

Строгая учительница. Знаешь, мне твои теории обычно кажутся какими-то... подрывными. Как будто ты специально их придумываешь, чтобы разрушить что-нибудь... Ту же любовь или семью, и даже самообманы - такие свои, приятные, и хранящие нас, кстати. Вот и с мамами - я сама об этом думала, не теми словами, но когда у меня вертелось в голове: "почему нет мам?" да "почему нет мам?", то я думала и об этом тоже, но мне только становится плохо от таких мыслей. Будто моя дочка тайно меня ненавидит или будто я где-то храню обиды на своих родителей. Есть вещи, мне кажется, которые не нужно открывать. Так нас создал Бог - и все. А ты все время пытаешься зацепить какую-то боль и вытащить ее наружу, и разрушить то, что ведь прекрасно работает, в конце концов, и тебя так воспитали, и нас, - а ведь взамен ты ничего не предлагаешь. Или предлагаешь? Я просто не понимаю.

Братец Гримм. Ты правда хочешь, чтобы я ответил?

Строгая учительница. Да, конечно.

Братец Гримм. Смотри, когда я начал учиться психотерапии, я быстро заметил, что психотерапевты просто помешаны на том, чтобы что-нибудь изменить. То есть вот такое общее устремление: лишь бы что-нибудь в человеке поменялось. И я стал думать: неужели я настолько хочу что-то изменить - в окружающем мире, в других, в себе - и если да, то что? Постепенно я понял, почему я занялся этим. Я стал заниматься изменениями, потому что на самом деле думаю, что в основе все неизменно. Ни мир, ни человеческий характер фун даментально изменить нельзя, и поэтому спокойно можно производить маленькие улучшения.

Братец Вайнер. А, так ты косметолог?

Братец Гримм. Вроде того. Если говорить про нашу психику, то самые радикальные перемены, к которым может привести моя работа, все равно лежат внутри границ и возможностей нормальной человеческой души. Я не верю, что можно что-то сильно поменять. Но капельку улучшить, мне кажется, можно. Понятно?

Строгая учительница. Почему ж нет? Понятно. Но...

Братец Гримм. Сейчас. Конкретнее про мам: на одной стадии мы разделяем целое на приятное и неприятное, потом этого неприятного неадекватно боимся, не знаем, что с ним делать, и считаем, что мир вообще зол и плох, если он такие ужасы породил ни за что ни про что. На другой стадии - и она обязательно наступает - мы понимаем, что и хорошая, и плохая мама - это одна и та же мама, мы признаем в родной маме мачеху, мы познаем двойственность любви. Даже если мы изо всех сил прячем голову в песок, это все равно происходит, если мы хотим жить, любить и общаться. И это само по себе очень много; возможно, это самая существенная часть мудрости. Но такое понимание в определенном плане лишает нас тех сильных эмоций, к которым мы привыкли, и кроме того, сильно уменьшает прежнюю мотивацию что-то делать, основанную на избегании того, что плохо, и стремлении к тому, что хорошо. И мы обычно не даем этим понятиям "хорошо"- "плохо" особенно долго залеживаться без дела. Мы проецируем их дальше, находим новое "хорошо", а это опять дает и кучу эмоций, и энергию для борьбы, и новые страхи и иллюзии. И опять мы медленно продираемся к новой целостности. И так много раз за жизнь, хотя все же, наверное, на разных уровнях. Но цикл повторяется: туда-сюда. Если, конечно, не выбиться в святые.

Молчание.

Можно совсем красиво сказать, что мы движемся от одной половинки к двум половинкам, а от двух половинок - к одному целому.

Строгая учительница. Только когда до него доберешься...

Братец Вайнер. Давайте после обеда.

Строгая учительница. Ой, что же я! Суп...

ИСТОРИЯ ГОЛУБОГО ГОРОДА

Много лет тому назад у подножия высоких гор, в цветущей долине стоял прекрасный город. А владел этим городом Дракон, который ненавидел голубой цвет. Всем людям в городе он запретил носить голубую одежду и есть из голубой посуды. Он отобрал у них все голубые флажки и игрушки. За самое маленькое голубое пятнышко каждому жителю грозило изгнание. Даже голуби - самые обыкновенные серые голуби - были выгнаны из города только за название.

Однажды ночью Дракону приснилось, что весь город стал голубым. Даже трава и деревья были почему-то голубыми. Даже его дворец, и звезда на нем, и все стены и потолки - были голубыми-голубыми.

Дракон вскочил, испуганный. Когда он понял, что это был всего только его сон, он пришел в бешенство. Он вылетел из дворца на рассвете. Облетев город три раза, он увидел в парке голубую скамейку. Он проглотил ее вместе с аллеей и ринулся в лес. В темном, росистом лесу расцвели голубые цветы. Он затоптал их. Его ярость все время росла. Он полетел в горы и стал лазить по кручам и пещерам. В одной из пещер Дракон увидел голубые камни. В бешенстве он принялся колотить хвостом по скале, так что голубые камни полетели во все стороны, и вскоре скала рухнула прямо на Дракона. Полузадушенный, Дракон выбрался из-под развалин. В тот день он не мог говорить, только рычал.

Прошел день, настала ночь. А на следующее утро во дворец к Дракону прибежал гонец и закричал: "Господин Дракон! В город прилетели голубые бабочки!" И, бешено

вращая глазами и рыча, Дракон вылетел из дворца. Город был полон голубых бабочек. Он принялся глотать их. Но их было очень много, они были везде. И вместе с ними яростный Дракон стал глотать дома и деревья, и людей, и булыжники из мостовой. Он глотал все, и к полудню он все проглотил. Даже собственный дворец. Даже гору и лес. И миллионы маленьких баб очек.

Пусто стало кругом.

С крыльев голубых бабочек сыпалась пыльца. Целая туча голубой пыльцы бродила в животе у Дракона. Она проникла ему в нос. Нос защекоotalo. Дракон сцeпил зубы, но нос щекоotalo так сильно, что Дракон не выдержал и чихнул, и тогда еще больше пыльцы набилось ему в нос, и он чихнул ужасно сильно, и еще, и еще... И с каждым чихом из его рта вылетали проглоченные им люди, и дома, и деревья, и булыжники, и все они были голубые из-за налипшей на них голубой пыльцы. И все вставали на свои места. А Дракон чихал и умен ьшался. Когда он вычихал последнего человека и последнюю бабочку, он превратился в стрекозу. Еще и сейчас в Голубом городе, где все и все голубое, летают маленькие черные стрекозы - потомки Дракона.

И все это время над городом и над всей землей висело голубое небо. Бедный Дракон! Он так и не узнал об этом.

* * *

Автор. Ух, в тяжелую тему мы вляпались. Это ведь - опять сказка про воспитание.

Розовая девушка. А-а-а... (зевает).

Строгая учительница. Так-так, интересно... (Засыпает).

Критик. Я скоро вернусь. (Выходит).

Автор (шепотом). Итак, это опять сказка про воспитание. Имя одному из столпов его - запрет. Воспевать я хотел не запрет вообще, а запрет на эмоцию. Вы знаете, что это такое?

Все спят, кроме Маленькой девочки.

Маленькая девочка. Я не знаю.

Автор. Это когда тебе запрещается не просто делать что-то, а думать об этом. Когда тебе запрещается чувствовать что-то, что ты чувствуешь. Ну, например, тебе говорят: "Нельзя быть злой".

Строгая учительница (во сне). Это не моя внучка. Это какая-то чужая злая девчонка.

Розовая девушка (во сне). У нас в семье все любят работать.

Настоящий мужик (во сне). Мужчины не плачут.

Автор. Да, мои милые. А еще запрещается беспричинное веселье, сексуальные чувства к родным и к чужим, ложь, самостоятельность, любовь к грязи, протест, грусть...

Маленькая девочка. Это все у одного ребенка?

Автор. Нет, малыш, в каждой семье - свое.

Маленькая девочка. И дети этого не делают?

Автор. Вначале нет. Помнишь, как в городе, когда дракон запретил все голубое, они вначале все сдали голубые вещи, сожгли голубую одежду, перестали делать голубую краску - вообще, все послушались. Они взаправду старались слушаться.

Маленький мальчик. Почему?

Автор. Я не знаю. Люди вообще любят слушаться. Но и в этом они несовершенны. Вот попробуй, например, одну минуту не думать о белой обезьяне.

Маленький мальчик (через полминуты стучает себя по лбу). Мне думалка мешает!

Автор. Вот эта думалка и начинает прятать в кармане дулю. И то, что запрещено, начинает повсюду расцветать. То цветочек, то скамеечка - и все внутри, тайком, шорохом, шепотом. Тут появляется и второе дно, и тайнички, и тайничочки.

Маленький мальчик. Обманывать нехорошо.

Автор. Но нужно. Ведь это игра, очень важная игра, понимаешь? Когда в нее втягивается много людей, она становится ужасно интересной. Она может заменить футбол и пускание змеев, и лес, и рыбалку, и учебу в школе. В конце концов запрещенное перерастает все остальное, и вокруг остаются только запреты и обходные лазейки.

А потом - что значит "нехорошо"? Знаешь сказку про то, как орел переносил мальчика через горы, а кормить его приходилось кусочками мяса с собственных ног? Ведь дракон требует того же. Он откусывает от нас куски, говоря: это ты, а это - не ты. У правой руки имечко хорошее, а у левой - нехорошее. Скушал левую руку.

Маленький мальчик. А кто его может победить?

Автор. Против него восстает все вообще, сама природа. Просто однажды днем, а скорее ночью, запрещенное прорывает все шлюзы. Бедный дракон! Он делает вид, что борется до последнего. Ведь его самого запрещенное заполняет изнутри. И вот подсознательное...

Маленький мальчик. Что такое подсознательное?

Автор. Это то, что мы вроде бы не можем контролировать в своем собственном теле, уме или сердце. Ну, скажем, чихание. Так вот, подсознательное побеждает сознательное...

Автор. Это то, что мы вроде бы не можем контролировать в своем собственном теле, уме или сердце. Ну, скажем, чихание. Так вот, подсознательное побеждает сознательное...

Маленький мальчик. А сознательное - это...?

Автор. ... То, что мы захотели - и сделали. Как стискивание зубов. И вот дракон чихнул - ап, война проиграна, кошмар, крушение, а ведь все было так хорошо придумано!..

Маленький мальчик. А потом?

Автор. А потом дракон, превратившийся в старую бабушку стрекозу, спокойно живет среди голубого мира. Он ведь и раньше жил в нем, его же больше ничего не интересовало. Он так часто себе его представлял, что сам как бы и придумал. Но он и теперь может видеть только черное или еще что-нибудь... Драконы - они такие выдумщики... (зевает, засыпает).

Маленький мальчик. Я дракон! Я ненавижу все голубое! Я всех съем!

(Убегает).

Братец Вайнер (заходит в комнату, тушит свет, задумчиво). В конце концов, это был всего лишь глупый дракон. А почему он не одел всем розовые очки? Не плакал перед жителями на площади, выговаривая, сколько нервных клеток у него погибло? Не сдвинул декретом область видимого света? Масса недоработок. Можно попробовать еще раз.

(Внезапно принимается будить Автора). Эй, братец Гримм! Ну-ка, скажи мне честно - это ведь сказка про гомосексуализм?

Братец Гримм (проснувшись, некоторое время сидит, упершись невидящим взглядом в одну точку). Знаешь, будь у меня больше времени, я бы ходил на демонстрации в защиту прав лесбиянок.

Братец Вайнер. Почему?

Братец Гримм. Они мне чуточку больше нравятся. Я вообще - хожу по улицам, кругом столько красивых мальчиков, а я все на девочек смотрю. Есть во мне что-то лесбийское... Н-да. Чужая острота.

Братец Вайнер. Скажи нормальным языком: это сказка про голубых или нет?

Братец Гримм (задумчиво). Все голубое во мне выжжено каленым железом. Запрет у меня в душе поставлен. И если ты спросишь меня, рад ли я этому, я отвечу: чтобы да, так нет. Нет, Братец Вайнер! И не нужны мне окружающие малчюки. Мне свобода нужна. Хочется мне свободно бродить по душе своей. Вот ведь умом все представляю: эка трудность - с юношей переспать! А на деле - ни в какую.

Братец Вайнер. Значит, держится запрет?

Братец Гримм. Значит, держится.

Братец Вайнер. И бабочки не мешают?

Братец Гримм. Ой, достал ты, юморист. Я ж тебе говорю - работает эта система, работает. Только стоит ли овчинка свеч? Наши дети, возможно, будут свободно трахаться с кем угодно - и я не буду им завидовать... а может быть, буду немножко... Ой, знаешь, это так смешно... (Решительно встает, зажигает свет. Все просыпаются. Громко) Как мы оправдываем свои ограничения? Это, говорим мы, нас общество гнетет своими запретами. Социум не велит. Окружение подавляет. А на самом деле, оставшись одни, мы спокойно имеем все запреты при себе. Пишите: ин-тер-на-ли-зованы они. Никакое общество на нас сейчас не смотрит, а запреты все - туточки. При нас. В нас самих. Понимаете? (Спокойно) Вот в чем ужас.

Все молчат долго-долго.

Братец Вайнер (осторожно). Но и прелесть в этом же. Раз они в нас, мы сами можем с ними и справиться.

Автор. Умница.

Дух Востока (тоже тихо и осторожно). Свобода - это гораздо большее, чем то, о чем вы тут говорите.

Автор. Да. Я знаю. Просто это тот шаг, с которого дорога в тысячу ли...

Дух Востока. ...каждый раз начинается заново.

Строгая учительница (взволнованно). Это значит, что мне нельзя ничего запрещать своим детям?

Автор. Во-первых, послушай себя. Заметь, что слово "нельзя" я не произносил, это ты так воспринимаешь мир.

Психолог-милашка. В категориях "нельзя" - "надо".

Автор. Я за отдельных выживших.

На этом заканчивается первая часть этой книги, которая по преобладающей тематике можно назвать "Бедные дети". Ура!

Часть I

"Бедные дети"

Следующая часть - гораздо скучнее. Она серьезная. Она структурная. В ней много теоретических глав. А что делать? Платите дань своей серьезности, либо живо вспоминайте совет читать все отдельно.

Часть 2 "Структурная"

ЦЫПЛЕНОК

На обыкновенном дубе вырос желудь необыкновенной величины.

Скоро все поняли, что это яйцо.

В яйце вырос маленький желтый цыпленок.

Однажды он сказал дубу: -Скучно мне с тобой. Молчишь да молчишь. Я полечу искать себе папу и маму получше-.

-Ха-ха-ха, - засмеялись сороки, - ты вначале вылупись из яйца да вырасти!-

Тогда цыпленок, как был в яйце, слетел с ветки, разогнался и аккуратно стукнул одну сороку в лоб. -Не задавайся-, - сказал он.

И полетел еще непроклюнувшийся цыпленок искать себе папу и маму. Потом подумал и решил: -И братика!-

Долго ли он летел коротко, долетел до моря и лег на волны, чтобы покачаться. Глянул вниз - а там на дне осьминог. Ни глаз, ни ушей, одни щупальца-руки. И так он ими здорово управляет: и по дну лазает, и рыбку ловит, и отмахивается от водяных мух. И цыпленок стал ему вниз булькать:

-Осьминог, давай с тобой вместе жить-.

Осьминог булькает: -Давай-.

Цыпленок ему перебулькивает: -Залезай ко мне в яйцо. Внутри тепло, а в море холодно и мокро!-

Осьминог залез в яйцо, тогда цыпленок поднялся в воздух и опять полетел. Над морем широким, так высоко, что дух захватывало.

Долго ли коротко, прилетел он к острову зеленому. А это был совсем не остров, а огромный морской дракон. Но этот дракон так долго лежал без движения, что на нем выросла трава и деревья, и даже целый морской порт и город матросских жен. А дракон ничего этого не чувствовал. Целыми днями он смотрел на горизонт. Он что-то хотел там увидеть, но ничего не видел, хотя зрение у него было прекрасное. Глаза у него светились, а иногда из них даже выскакивали искры.

-Эй, дракон, - крикнул ему цыпленок, - иди со мной жить. Вместе веселее!-

-Гм, - сказал дракон, - ты выглядишь хорошим другом. Давай-.

-Полезай ко мне в яйцо, - говорит цыпленок. - Внутри красиво и ярко, а снаружи пыльно и скучно-.

И дракон сначала пошевелился, чтобы все люди, которые жили на его спине, успели погрузиться на корабли, а потом залез в яйцо к цыпленку.

И они полетели дальше, пролетели синее море, полетели над темным лесом.

И долго, и коротко, видят: избушка, а около нее сидит старик. Сам он маленький, и только одно ухо у него огромное. Его за ухом почти и не видно.

-Здравствуй, дедушка Ухо-, - сказал цыпленок.

-Не шуми так, - сказал старичок. - Я и так слышал вас, еще когда вы над морем летели-.

-Дедушка, - говорит цыпленок, - иди к нам жить. У нас тихо, и ребята мы послушные!-

Дедушка Ухо встал, покряхтел, раз - и в яйце оказался.

И вот маленький ярко-желтый цыпленок, который еще даже не вылупился из яйца, полетел, гордый своими подвигами, и прилетел в такое место, о котором знал только он, а там он проклюнул скорлупу и вышел на свет.

А потом он быстро закрыл скорлупу со своими друзьями так, что опять получилось яйцо. И это яйцо он проглотил. А потом он превратился в маленького

ребенка, который только что услышал эту сказку. И ему всегда с тех пор помогали его друзья: осьминог - чувствовать, дракон - видеть, а дедушка Ухо...

-Вот уж дедушка Ухо! - сказал дед. - Как сказки, так вечно - дедушка Ухо, дедушка Ухо! Устал я. Спать пора-

Ну вот, жалко, дедушка устал, а то б я еще рассказал. Спать пора.

* * *

На примере "Цыпленка" можно коротко проиллюстрировать, что же такое "конструирование" сказки. Это технический пример и - подчеркиваем - очень конкретный пример, под сказку. Психологическая теория, легшая в основу, у другой сказки может быть совершенно другая (в том числе прямо противоположная), но сам принцип этой теории оживления и построения текста там, где он строится сознательно, - сам принцип, авось он проглянет и прояснится?

Детские психологи многих школ имеют дело с развитием и функционированием различных сенсорных систем. Визуальная, аудиальная и кинестетическая системы развиваются у ребенка неравномерно, и это во многом определяет способы восприятия им информации, особенности запоминания, воспроизведения навыков и знаний, а в конечном итоге, мышления и коммуникации. Отправной точкой для создания рассматриваемой сказки послужила теория внесенсорных систем.

Эта теория развивается в рамках эриксоновской терапии и нейролингвистического программирования. Она утверждает, что в процессе развития одна или даже две сенсорных системы становятся преимущественно внесознательными. В результате для сознательной обработки информации используется одна или две сенсорных системы, а одна - внесознательная - становится проводником преимущественно подсознательных импульсов. В определенной мере ребенок теряет и способность сознательно оперировать в такой системе, и доступ к процессам, которые в ней происходят. Например, это может быть внесознательная аудиальная система: ребенок не осознает происходящего внутри диалога (критики, угроз, предсказаний провала) и плохо пользуется аудиальной системой в жизни ("не слышит" обращенной к нему речи). Ряд исследователей связывает определенные внесознательные сенсорные системы с видами психосоматической проблематики - так, исключение из осознания телесных ощущений связано с энурезом, ожирением, анорексией. И терапия таких состояний может быть достаточно ненаправленной: помочь ребенку осознать собственное тело, чувства, научить получать удовольствие от звуков или картин. В рамках такого подхода можно использовать многое: телесно-ориентированную терапию, арт- и игротерапию, гипноз. Метафора, переводящая взрослый язык на язык ребенка, может сопровождать любой подход; в чистом виде она образует сказку.

В сказке, кроме главного героя, три персонажа, достаточно четко символизирующих три основных сенсорных канала. Кроме явного описания, есть и неявные усиливающие слова из определенного сенсорного опыта. Умный цыпленок, создавая раппорт, внутренность своего яйца описывает каждый раз по-разному: для осьминога там тепло, для дракона ярко и т.д. Заметим, что "послушные" в третьем описании - тоже "аудиальное" слово. (Интересно, кстати, использовать эту сказку для простейшего тестирования. Сразу после прочтения задается вопрос: "Как было в яйце?" Ясно, что человек вспоминает прежде всего "свое" описание. По моему опыту, очень мало кто способен воспроизвести все три модальности. Взрослые, например, почти никогда не вспоминают, что в яйце было тихо.) Можно сказать о трех основных уровнях коммуникации в этой сказке.

Первый - сюжет, воспринимаемый сознательно.

Второй - скрытые предложения, "послания" подсознанию. Здесь смысл сказки - создать символы трех сенсорных систем, а затем свести их воедино в одной маленькой голове слушателя и отдать ему бразды управления ими. Проглоченное яйцо с "друзьями" как раз это и означает. Для более полной идентификации с героем (которая, как мне кажется, происходит и так) цыпленок в конце сказки прямо превращается в слушателя.

И, наконец, третий уровень - переплетение, наложение друг на друга трех сенсорных областей. Само восприятие речи требует от слушателя попеременного, а затем одновременного включения трех сенсорных систем.

Это тренировка того, чему мы хотим научить ребенка.

Маленькая теоретическая глава 4 ИНТЕРЬЕР СКАЗОЧНОГО МИРА

Давайте представим себе, что мы дети, которые знают только сказки. И все, что мы знаем о мире, мы взяли полностью из них. Тогда окажется, что мы уверены во многих вещах, о которых никто нам явно ничего не говорил. Но просто для того, чтобы понять сказку, нам нужно определить для себя целый набор понятий, а соответственно сформировать целый ряд образов. Более того: структура и содержание сказок определили какие-то ценности и убеждения, которые мы приняли просто потому, что не встречались с другими.

Что тогда мы знаем о мире?

Другими словами, что пресуппонирует сказочная модель мира?

- Какая-то беда вначале и счастливый конец.
- Наличие помощников и вредителей.
- Трансформация героя - к концу сказки он не такой, как в начале. Обычно он становится сильнее и значимей.
- Иное царство. Оно где-то далеко, там другие законы, и там есть что-то очень нужное, за чем приходится идти.
- В то время, как герой трансформируется, остальные персонажи остаются более-менее при своем, и само иное царство не изменяется. То есть по следам падчерицы может пройти мачехина дочка, и она встречается с тем же.
- Из иного царства приносится клеймо, отметка о том, что герой там побывал.
- Герой один. При всех друзьях и помощниках он идет один и женится потом один.
- Побеждает дурак.
- Минимальный срок, за который герой может чего-то достичь (пока семь пар сапогов не износятся).
- Предопределенность, размеченная сцена. Дракон заранее знает, что его убьет именно этот герой, уже заранее известно, куда надо пойти, что сделать, кто кому что скажет и что нужно отвечать.
- Запреты нарушаются. Приказы выполняются. Герой чаще слушается, чем наоборот.
- Отсутствие выбора.
- Предательство родных.

Интересная модель мира получается, правда? Некоторые вещи тут просто тривиальны, некоторые для нас непонятны и, возможно, неприятны. Что ж, пока мы копим вопросы.

ЗОЛОТАЯ ПТИЦА

Жил-был мальчик на белом свете. И была у этого мальчика золотая птица. Она всегда сидела у мальчика на левом плече. Куда бы он ни шел, птица была с ним. И только ночью, когда мальчик засыпал, Золотая птица улетала. Тогда мальчик становился невидимым. Но этого никто не замечал: ведь это было ночью.

И вот однажды наступила ночь, мальчик заснул в своей кроватке, и Золотая птица улетала, а к постели мальчика прокралась злая колдунья. Она достала краски и раскрасила кожу мальчика в красный цвет. Потом она исчезла. Под утро Золотая птица вернулась, но не узнала мальчика. Она покружилась, покружилась и улетала.

Наутро мальчик проснулся от криков: его все искали, но никто не мог увидеть. Тогда он понял, что его птица исчезла. Он оделся, взял дорожную сумку и пошел ее искать. По дороге, где гулял он когда-то так привольно, он пошел на юг. Пока он шел, он встретил вначале чижика, потом гусеницу и рыбу в ручье. Оказалось, что животные

его видели, только люди не могли. Чиж подарил ему зеленую шапочку, гусеница - два красных камешка, а рыбка - синий плащ.

Далеко мальчик шел по дороге, и вышел к большой реке. На воде плавала лодка, привязанная цепью к берегу. Мальчик сел в нее и начал грести. Он греб долго, но оставался на месте: цепь не пускала лодку. Тогда он услышал шепот прибрежной ивы: "Туда надо плыть на отвязанной лодке, на отвязанной лодке без весел". Мальчик отвязал цепь, бросил весла на берег и лег на дно лодки. Она не долго тыкалась в берег: течение подхватило ее, и лодка поплыла вниз по реке.

Только к вечеру лодка уткнулась в песок. Мальчик встал, вышел из нее, поблагодарил реку и огляделся. Вдали он увидел пятно света - костер за деревьями. Он осторожно подошел поближе и раздвинул кусты. Костер горел посреди поляны, на которой толпились черные журавли - их было так много, что у мальчика зарябило в глазах. А недалеко от костра стояла клетка - и в ней сидела его Золотая птица! Он хотел броситься к ней, но понял, что журавлей было слишком много, ему с ними сразу не справиться.

Он спрятался в кусты и чуть не заплакал. И тут он вспомнил про подарки, которые он получил на лесной дороге. Он вытащил из сумки шапочку, которую ему дал чиж, и одел ее. И сразу он стал невидим даже для животных - каждый, кто смотрел на него, видел только зеленую траву и листья. Тогда он вышел на поляну. Черные журавли сновали по ней взад-вперед. Многие носили дрова для костра, а на костре стояли два котла и наковальня. В одном котле журавли варили черную краску - чтобы покрасить Золотую птицу. В другом котле они варили черный суп - чтобы накормить ее. А на наковальне они ковали железное кольцо - чтобы надеть на Золотую птицу и не дать ей улететь.

Мальчик достал из сумки красный камешек, который подарила ему гусеница, и бросил в тот котел, в котором варился суп. И тогда суп стал менять цвет: из черного он стал коричневым, потом темно-желтым, затем желтым, белым, прозрачным - и тогда из него повалил густой дым. Журавли испугались, закричали и захлопали крыльями. Они принялись бегать по поляне, раскидывая дрова для костра. Мальчик достал из сумки второй камешек и бросил его в котел с краской. Маленький камешек принялся вбирать в себя краску и темнеть: он стал темно-красным, потом фиолетовым. Он выпил всю краску и запрыгал по дну пустого котла: тук, тук, тук! Тут черные журавли совсем потеряли головы от страха: они попрыгали в кусты и спрятались там, а дрова, которые они раскидали как попало на поляне, стали загораться. Скоро вся поляна начала гореть. От жара мальчик вначале отступил, но потом достал синий плащ и взмахнул им. Раз - и огонь остановился. Два, три - он отступил и затих.

Мальчик подошел к клетке, в которой сидела Золотая птица, открыл ее - птица выпорхнула и села ему на плечо. И тогда он вырос, и кожа его опять стала белой и чистой. Он повернулся, чтобы уйти, смотрит - из кустов на них глядят печальные глаза черных журавлей. "Чего вы хотите?" - спросил он их. "Останьтесь с нами", - попросили журавли. "Мы не можем, - сказал мальчик, - нас дома ждут". "Ну тогда приходите к нам когда-нибудь, - сказали журавли, - мы будем вас ждать". "Хорошо, - согласился он. - А теперь отнесите нас домой!" И журавли подняли мальчика и его Золотую птицу на крыльях, и в две минуты домчали их до дома. И так волшебным образом все получилось, что дома еще было утро, и родители только-только начали искать мальчика. Тут он и появился, с чистой кожей, радостный, бережно неся на левом плече Золотую птицу.

* * *

Злодеи в сказках уничтожаются. Хорошая узбекская сказка просто не уважает себя, если в ней не убили сорок человек. В этой сказке, очень обычной по структуре, есть пара оригинальностей - вот черных журавлей не добились, а даже стали разговоры с

ними разговаривать. Простим неразумных героев. Вот что думал себе их автор: а что, если это части самого героя? А ну как они хотели чего-нибудь хорошего? Ну не поставили хозяина в известность... Глупые они какие-то, пугливые. Дрогнула рука...

* * *

В оценках сказок я не верю взрослым. А дети вроде бы прощению журавлей не возмущались. Начни я спрашивать взрослых, ведьма пропала бы без вести, а журавлей посадили бы в зоопарк.

Маленькая теоретическая глава 5

СТРУКТУРА ВОЛШЕБНОЙ СКАЗКИ

Мы все знаем или уж во всяком случае чувствуем, что большинство сказок обладают единой структурой при разнообразии содержания. В сказке легко заменить Ивана-царевича на Золушку или Мальчику-с-пальчика, жар-птицу на молодильные яблоки или царевну, серого волка на птичье перышко - и структура сказки, ее сюжет и окончание не изменятся. В сказках неизвестных нам народов, когда мы не можем даже выговорить имена героев, мы часто можем по началу правильно предсказать основные коллизии и развязку. Возникает ощущение, что в сказке важны сказуемые, а не подлежащие и дополнения. У ученых уже лет 100 назад было сильное ощущение, что можно построить модель сказки, некую единую схему всех или хотя большинства сказок. Но было сделано довольно много попыток, прежде чем это удалось.

Первым это сделал русский лингвист Владимир Яковлевич Пропп, и я очень схематично сейчас представлю его результаты. В поисках сказочных инвариантов он создал понятие функции. Функция - это поступок действующего лица, определяемый с точки зрения его значимости для хода действия. Так Баба-Яга, дающая золотое веретене невесте Финиста - Ясна Сокола, фея, наряжающая Золушку на бал, мертвец, который дарит Ивану меч, - выполняют одну и ту же функцию Дарителя. Вот как сформулировал Пропп постулаты своей работы:

1. Постоянными, устойчивыми элементами сказок служат функции действующих лиц, независимо от того, кем и как они выполняются. Они образуют основные составные части сказок.

2. Число функций, известных волшебной сказке, ограничено.

3. Последовательность функций всегда одинакова.

Далее, он взял далеко не все сказки, а так называемые "волшебные", к тому же "классические". То есть те, которые нам самые родные. Непосредственно он основывался на сотне русских сказок из сборника Афанасьева. И из них он выделил 31 функцию действующих лиц:

Название функции по Проппу: ---- Пример:

1. Отлучка - Уезжают родители; царь отправляется на войну.

2. Запрет - "Не заходи только в десятую комнату"; "Не ходи со двора".

3. Нарушение - Побежала Аленушка с подружками, заигралась

4. Выведывание - Стала ведьма вызнавать, выспрашивать.

5. Выдача - "Но царевна все ж милее..."

6. Подвох - Волк подражает голосу мамы-козы.

7. Пособничество - Царевна ест предложенное старухой яблочко

8. Вредительство (или недостача) - Схватили гуси-лебеди Иванушку; заболел царь тяжелой болезнью.

Эти 8 функций образуют подготовительную часть, следующие 3 функции - завязка:

9. Посредничество - "Иди, Марьюшка, братца искать..."

10. Начинающееся противодействие - "Позволь мне, царь, попытать счастья..."

11. Отправка - Царевич отправился в путь

Далее следует основная часть:

12. Первая функция дарителя - Стала Баба-Яга вопросы спрашивать;

13. Реакция героя - "Ты б меня сперва накормила, напоила...";

14. Получение волшебного средства - Дал старичок Ивану коня; "Только скажи: по щучьему велению, по моему хотению..."

15. Перемещение в иное царство - Долго ли шла Марьюшка, коротко, уже три пары башмаков истоптала;

16. Борьба - Стал Иван биться со змеем-горынычем;

17. Клеймение - Расцарапал ему Змей всю щеку;
 18. Победа - Завертелся Кошей волчком и сгинул.
 19. Начальная беда или недостача ликвидируется - Вышла к Ивану из подземелья Царь-девица.
 20. Возвращение - Сели они на ковер-самолет, поднялись в воздух и полетели домой.
 21. Погоня - Бросились гуси-лебеди в вдогонку.
 22. Спасение - Бросила она зеркальце, разлилось море; ведьма море пила-пила, да и лопнула.
- На этом сказка может кончиться, но часто встречается дополнительный сюжет, в котором действуют лжегерой (чаще всего брат или братья героя). Первая его часть (новое вредительство) аналогична функциям 8-15:
- 8 bis. Братья похищают добычу;
 - 10-11 bis. Герой снова отправляется на поиски;
 - 12-14 bis. Герой снова находит волшебное средство;
 - 15 bis. Возвращение с новым средством домой;
- Далее при таком развитии появляются новые функции:
23. Неузнанное прибытие - Приехал в родной город, но домой не пошел, стал учеником у портного.
 24. Необоснованные притязания - Генерал заявляет царю: "Я - змеев победитель".
 25. Трудная задача - "Кто поднимет змеиную голову - тому и царевна достанется"
 26. Решение - Подошел Иван, только тронул...
 27. Узнавание - Показал он заветное колечко, узнала его царевна.
 28. Обличение - Рассказала все царевна, как было.
 29. Трансфигурация - Искупался Иван в молоке, вышел молодец лучше прежнего.
 30. Наказание - Посадили служанку в бочку, скатили с горы
 31. Свадьба, воцарение - Получил Иван царевну и полцарства

Не все функции присутствуют всегда, но число их ограничено и порядок, в котором они выступают по ходу развития сказки, неизменен. Если взять нашу сказку, про Золотую птицу, то в ней явно присутствуют все функции завязки и основной части, кроме клеймения и погони. Неявно в ней также есть отлучка и запрет из подготовительной части (был запрет на изменение внешнего вида, пока Золотая птица улетала), а также нарушение запрета, оно же вредительство. Порядок здесь также сохранен от и до.

Неизменным Пропп определил и набор ролей, т.е. действующих лиц, обладающих своим кругом действий (т.е. имеющих одну или несколько функций). Этим ролям семь:

- царевна
- отправитель герой
- даритель
- помощник
- антагонист
- ложный герой

Вывод, к которому пришел Пропп в отношении структуры, звучит достаточно сурово: волшебной сказкой называется произведение, в котором действуют все или несколько из указанных семи героев, а сюжет содержит в себе тридцать одну функцию (с возможными пропусками) в указанной последовательности. Если бы он стал более знаменит в советское время, страшно подумать, как назвали бы остальное. Даже если

не быть таким категоричным, стоит иметь в виду, что Пропп описал структуру огромного количества сказок, и хотя он основывался только на русских, эта структура полностью применима к большинству известных сказок других народов. Какая-то поразительно популярная структура. Распространенная в десяти сторонах света и пережившая тысячелетия. Что же в ней - ТАКОГО?

ДОКТОР СКАЗОК

Жил да был доктор, который лечил сказки. Ведь так много сказок на свете, и некоторые из них болеют, а некоторые недодуманы или забыты. Все они приходят к доктору сказок. Он их осматривает и лечит.

Однажды сидел доктор у себя в комнате и читал старинную книгу. Вдруг слышит за дверью чей-то плач. Он открыл дверь и видит: стоит маленькая сказка. Он ее пригласил в комнату, усадил в кресло, угостил душистым чаем и, когда она успокоилась, спросил:

- Расскажите, пожалуйста, в чем дело?

А маленькая сказка сказала ему:

- Никто меня не любит! - и чуть не заплакала. Тогда доктор попросил ее:

- Расскажите свою историю.

И сказка затараторила, быстро-быстро:

- Жилибыладевочкаимамаиоднаждыматьпозваладочкуи...

- Подожди, подожди, - сказал доктор. - Я так не все понимаю. Расскажи мне это помедленнее.

И вот что рассказала сказка:

- Жила-была девочка и мама. Однажды мать позвала дочку и сказала: "Иди в лес". И дочка пошла в лес и заблудилась. А мама ждала ее, ждала, а потом сказала: "Вот избавилась я от нее". И тогда она пошла в лес и тоже заблудилась, и их потом никто не видел".

И сказка заплакала.

- Ах ты, бедная сказочка, - сказал доктор, - да у тебя просто нет конца. Тебя недопридумали. Ну-ка, расскажи, что дальше было?

- Я не знаю, - захныкала сказочка.

- Ну, давай вместе, - сказал доктор. - Идет девочка по лесу, да?

- Да.

- И видит она...

- Стоит дом.

- И она подошла к этому дому?

- Да, она подошла к этому дому и заглянула в окно. А там сидит ее мама.

- Да-да, - сказал доктор, - там сидит ее мама...

- И пьет чай с какой-то старушкой. А это - Баба Яга. И Баба Яга говорит: "Никуда она не убежит. У меня есть гуси-лебеди, я их пошлю, и они ее догонят..." А девочка поняла, что это Баба Яга про нее говорит...

- И что она сделала?

- Она взяла ножик, который ей мама для грибов дала, размахнула его и кинула в Бабу Ягу. И попала ей в лицо, и тогда Баба Яга закружилась и упала в птчку и сторепа.

- Ага! - сказал доктор.

- И тогда мама расколдовалась, ведь это Баба Яга ее делала злой, а теперь она стала доброй, и они с дочкой пошли домой, и потом им всегда вместе было хорошо.

- Ну вот и умница, - сказал доктор. - Так твоя история и закончилась?

- Да, - кивнула сказочка. Она сидела в кресле, на щеках у нее еще блестели слезы, но она улыбалась. Она даже как будто немного выросла.

- Ты - хорошая сказка, - сказал доктор.

* * *

Давайте я расскажу, как появилась эта сказка. Она почти не придумана. То, что рассказала вначале маленькая сказочка - это такая выжимка из двух сказок, которые написали два ребенка, мальчик и девочка, с которыми я работал в детском доме. Я просил их рассказывать мне сны и сказки - это были дети восьми-девяти лет - я это все записывал, и вот им это понравилось, и они стали писать сказки сами. И вот они написали мне две такие сказочки, которых я сам довольно сильно испугался. Это понятная тема для детей в детдоме, но мне действительно стало страшно, и я не знал, что с этим делать.

Прошло какое-то время, и вот наши дети стали рисовать картинки на японский конкурс детского рисунка по такой веселой теме "Катастрофы". Эти рисунки превратились в эпидемию, дети рисовали их не только на уроках, но и сами по себе, и стали получаться картинки одна ужасней другой: пожары, наводнения, войны и так далее. Эта эпидемия ужасов, понятно, захватила всех, кто там работал, и мы стали думать, что с ней делать.

Там работала одна женщина в должности психолога, хотя она больше называла себя астрологом, и вот она сказала, что все эти рисунки - проявления черных сил, и их всех нужно собрать и сжечь, даже устроить нечто вроде ритуала. И мы действительно не знали, что делать, но идея со сжиганием нам не понравилась, и вот мы стали делать вот что (это было вовсе не моей идеей): мы стали садиться с ребенком перед нарисованной им такой ужасной картиной и писать по ней рассказ - ну, что там произошло и так далее. А потом просто эти рассказы продолжать. "Ну хорошо, лес стал гореть, а что было дальше?"

И оказалось, что дети прекрасно сами придумывают продолжения, причем продолжения обычно счастливые. Один мальчик, которому в свое время грозил диагноз дебильности, нарисовал действительно страшную картину пожара - в черном и оранжевом - и там посередине стоял дуб, из огромного дупла которого разные звери прыгали в огонь... Так вот, когда его стали спрашивать: "А что было потом?", он вдруг сказал, что из этого дупла вылетели бабочки, они сильно махали крылышками, и от этого пожар затушился. И так далее. Оказалось, что в большинстве случаев стоит продолжить то, что казалось страшным, и оно проявлялось совсем по-другому, и приводило к хорошему концу.

Прошло время, и я узнал, что то, что мы делали, соответствовало одному из основных принципов гештальт-терапии: в основе психологической проблемы часто лежит незаконченность, незавершенность. Человек останавливается перед тем, что его пугает, возвращаясь многократно к одному и тому же, доходя ровно до самого страшного и тут выпрыгивая из ситуации. Это может быть остатком психологической травмы, когда человек опять и опять возвращается к ее началу, доходит почти до кульминации - и здесь останавливается, вытесняет, просыпается. А тот факт, что если страшное место пройти, наступает хорошая концовка, появляется свет и проблема решается, возможно, просто отражает тот факт, что человек остался жив. Жизнь означает продолжение, наступление нового дня после завершения старого. Вот тогда я и записал эту сказку, и я почти ничего в ней не придумал.

* * *

Чудесная позиция по жизни: при себе как танк... По себе, по пациентам... Не страдают ли гештальт-терапевты преждевременной эякуляцией?

* * *

В такой работе не так уж редко приходится проходить через смерть и через пустоту. Например, можно сочинять сказку про что-то в своей жизни и, следуя непонятной внутренней логике, в какой-то момент убить героя. Ничего, можно идти дальше. Что-то случится за смертью, даже за атомным взрывом, даже за гибелью вселенной. Так устроена психика. Она обречена на жизнь, а сказка обречена на счастливый конец.

* * *

ПРОГУЛКА У РЕКИ

Братец Вайнер. Э-э-э, конец, конец... Концы в воду! Надо получать удовольствие по ходу дела. Конец всегда ужасен. "Они жили долго и счастливо и умерли в один день..." Может быть, нет никакого завершения гештальта. Есть время, вечно текущее мимо. Иллюзия счастливого конца - это сказка для детей. Это удобное упрощение, не больше. Дело не в том, что конец не бывает счастливым. Дело в том, что его не бывает. Поэтому спокойно можно переться куда угодно. Вселенная бесконечна, время бесконечно, продолжаться можно в любую сторону. "Пойдешь, Веничка, налево - попадешь на Курский вокзал. Пойдешь направо - попадешь на Курский. Так что ты уж иди прямо, чтоб наверняка туда попасть". Братец Grimm. Так какой Курский ты сейчас имеешь в виду? Братец Вайнер. Если говорить конкретно про эту сказку - то примирение с родителями. Эта задача из ряда тех, которые все равно надо решить, и которые большинство нормальных людей все равно решают. То есть никто не запрещает по ходу дела помучиться всласть и поубиваться, но финал одинаков. Во, я провозглашаю теорию. Жизнь состоит из набора стадий и задач, как компьютерная игра с уровнями. Решаешь одну задачу - переходишь к следующей. То, что ты называешь завершением гештальта, - это и есть финишная ленточка данного уровня. Выход здесь видится в том смысле, что после прохождения стандартных уровней можно податься в малоисследованные и напридумывать себе собственных. Кстати, сюда же входит то, что ты говорил о необходимом путешествии, которое можно типа отложить на следующую жизнь, но от которого никуда не денешься. Подпункт моей теории.

Братец Grimm. Классно. И какие же стадии стандартные?

Братец Вайнер. Рождение. Потом надо найти грудь. Потом от груди отвыкнуть. Вступить в человеческие взаимоотношения с хорошим человеком мамой. Выстроить замок "Я", то есть выделить сознательную часть. Привыкнуть к дисциплине. Определиться с полом. Научиться жить в коллективе. Абстрактно мыслить. Ну и так дальше, потом надо достичь эмоциональной независимости, уйти из дома, научиться зарабатывать деньги, стать самодостаточным, жениться, родить детей, простить родителей, понять, что все - фигня, найти в себе божественную искру, запалить из нее маломальский костер... Потом, наверное, понять иллюзорность границ и слиться с миром. Но в этом я уже не уверен. Сам не пробовал.

Братец Grimm. А ты попробуй.

Братец Вайнер. В борту дырку прорубить?

Братец Grimm. Ага.

Братец Вайнер. Не, знаешь, мне рано. Я где-то на стадии понимания того, что все - фигня.

Братец Grimm. Встаешь утром, смотришь - фигня, идешь на работу, проверяешь - явно фигня, к вечеру пересматриваешь - ну совершенно точно фигня... Так, что ли?

Братец Вайнер. Где-то так. Но...

Шум воды.

Маленькая теоретическая главка №6 СКАЗКИ И ПСИХОТЕРАПИЯ

Если мы сделаем краткую выжимку из двух предыдущих теоретических глав, получится, что волшебная сказка описывает процесс достижения героем цели (которую может достичь только он) с помощью путешествия в тридевятое царство и использования волшебных помощников. В этой схеме бросается в глаза ее сходство с моделью короткой терапии, особенно нейро-лингвистического программирования, которое обладает самым выразительным и определенным словарем, поэтому о нем говорить удобнее всего. В модели НЛП психотерапия выглядит так: человек совершает переход от настоящего проблемного состояния к желаемому состоянию путем подключения ресурсов, обычно до какой-то степени подсознательных. Направивается взаимно однозначное соответствие:

Запрет, вредительство, нехватка - Проблема

Волшебный помощник - Ресурс

Иное (тридевятое) царство - Подсознание

Будущая награда - Хорошо сформулированная цель

Есть и другие сходства, бросающиеся в глаза. Трансформация - любимое дело. Мама в лучшем случае забывается. Сцену НЛП старается не изменять (то есть основные усилия направлены на изменения самого человека, а не его окружения). А клеймо - это, может быть, якорь? В такой модели вызывают вопросы, пожалуй, только лжегерой, послушание и отсутствие выбора. Их можно притянуть за уши и наполнить объяснениями, но НЛП кажется мне не вполне завершенной моделью, и я даже думаю, что эти сказочные черты как раз и могут указывать на неразработанные места.

Вообще если говорить не о структуре, а о содержании, мне кажется более близким к сказке понятие о психотерапии в аналитической психологии Юнга.

Универсальность и единство сказочных образов находит соответствие в понятии архетипов. Под архетипами понимаются формы поведения, режимы функционирования душевных сил, похожие на инстинкты, смысл и значение которых выражаются в реальных образах и действиях. Их целью является привнесение в сознание подсознательного материала и его трансформация при этом. Этот процесс развития и трансформации Юнг назвал процессом индивидуации.

Сказки, хотя бы как проекции фантазии, тесно связаны с подсознанием и происходящими в нем процессами. В своей типичной структуре сказки описывают формы функционирования душевных сил и их целей. Анализ сказки, с юнгианской точки зрения, ведет к выделению, идентификации и изучению архетипических паттернов. Как выражение интрапсихических процессов, основывающееся главным образом на взаимодействии двух миров, сознания и подсознания, сказка описывает прежде всего процесс индивидуации.

Под индивидуацией Юнг понимал процесс обновления и расширения эго-сознания. Это предполагает, что сознание уже выделилось из матрицы подсознания, коллективного бессознательного, символизируемого Матерью. В результате такого отделения эго-сознание приобретает необходимую дистанцированность от подсознания и достаточно жесткие границы. Но в процессе отделения и обретения границ эго-сознание все больше теряет контакт со своей подсознательной основой. Наступает состояние диссоциации, несбалансированности между сознанием и подсознанием. Появляются симптомы, невротические расстройства. Отделенное от своей питательной среды, эго-сознание рискует тем, что станет ригидным и стерильным, потеряет образующий смысл, умрет. Поэтому эго должно совершить возвращение к подсознательному источнику, коллективному матриксу, для того, чтобы обновить себя, чтобы получить доступ к новым архетипическим энергиям и образам. Это и описывается историей о путешествии героя, о нахождении новых помощников, о

смерти и воскресении, о победе и воссоединении. В результате расширяется область сознательного, что уже само по себе дает целительный эффект.

Лжегерой, может быть, аналогичен всего лишь старому, прошлому "я", которое пытается воспользоваться результатами путешествия внутрь, не признавая произошедшей трансформации. Можно представить себе проверку результатов работы жесточе формата подстройки к будущему в НЛП, где человек максимально полно окунался бы в мир изначальных проблем - если у тебя так все здорово получается, покажи и докажи это вживую. Не то твое место, господин Новый Человек, окажется занятым гораздо более натренированным Препим тобой же. Его, кстати, поддерживают и окружающие, тебя же они не узнают.

Послушание. На самом деле герой в сказке подчиняется не авторитетам, но законам сказочного (т.е. подсознательного) мира. Он отправляется в головокружительное путешествие в неизвестный мир и берет с собой лишь простейшие правила поведения. Только их он и слушается. Плюс практически любая традиция, включая психотерапию, дает человеку проводника и учителя. Его тоже надо слушаться.

Для объяснения отсутствия выборов у сказочного героя давайте представим себе две картинки. На одной из них - ребенок в середине небольшой комнаты с четырьмя стенами. Он спокойно движется куда хочет; он знает, где стены, он в любой момент может вернуться в середину. На другой - ребенок (почему-то я представляю его себе стоящим у стула) среди тумана. Стен нет, или они не видны. Ребенок боится не только отойти, а даже пошевелиться. Выборов у него удивительно много; но он стоит на месте.

ПОЙМАЙЧИК АГАО С ПЛАНЕТЫ ЛЮДЧЕЙ

На далекой-далекой планете живут очень похожие на нас существа. И язык их, и обычаи только чуть-чуть отличаются от наших. Они называют себя не люди, а людчи. - Ребенок- у них называется -любенок-, -мальчик- - поймайчик- и так далее.

И вот жил на этой планете поймайчик Агао. Был он совсем как все, и только в одном отличался. Дело в том, что у каждого любенка было семь родителей. Их звали породитель, наградитель, погрозитель, оградитель, рачитель, врачитель и переродитель. А у Агао было только шесть родителей. Переродителя у него почему-то не было.

У каждого родителя было, конечно, свое дело. Переродитель отвечал за то, чтобы любенок рос и изменялся. А вот Агао никогда не изменялся. Он всегда оставался одним и тем же. Ему было скучно и он мечтал, что когда-нибудь - когда-нибудь! - он найдет своего переродителя.

Однажды он сказал: -Хватит! Я как не людча. Пойду искать своего переродителя-.

Его шестеро родителей уговаривали Агао остаться, но он не послушался. Тогда они устроили ему прощальный пир. Накрыли огромный стол. Каждый родитель принес с собой подарков, чтобы дать своему любенку в дорогу. Породитель дал ему сухого молока и бульонных кубиков. Оградитель принес мешок, в котором были упакованы шуба, шапка, сапоги, перчатки, темные очки и еще килограмм 20 всяких ненужных вещей. Погрозитель вручил ему боксерские перчатки и деревянную дубинку. Рачитель - блокнот и ерундаш, чтобы записывать, сколько чего есть, сколько истрачено и сколько еще осталось. Врачитель - зеленку-веселенку и прочие озадоровители. И только наградитель пришел на этот вечер с пустыми руками. Агао в начале вечера был такой урадостный, а потом решил обидеться на наградителя - ведь тот всегда дарил больше всех, а тут- Но после стола наградитель подошел к нему сам и сказал:

- Я долго думал, что лучше дать тебе в дорогу. Еду ты съешь, вещи сломаются и растеряются. Я решил дать тебе самое лучшее из того, что дал мне когда-то мой родитель-наградитель. Освободи, пожалуйста, немного места на дне своего сердца.

- Это трудно сделать, - сказал Агао.

- Хорошо, давай я тебе помогу. Там нет случайно такого чувства, что ты плохой? Агао подумал и сказал:

- Есть. Оградитель говорил, что я везде лезу, рачитель говорил, что я все теряю, а погрозитель повторял, что я расту плохим.

- Вот-вот. Знаешь, давай вытащим оттуда то, что ты плохой. Это неправда. Теперь там есть место?

- Да- Порядочно!

- Положи туда и накрепко запомни вот что: ты - хороший. В самую глубину сердца. Туда, где рождаются мысли.

- Я - хороший?

- Да, ты - хороший.

Потом еще были проводы, танцы, песни, потом все легли спать, а наутро Агао взвалил себе на плечи мешок (хотя шубу и шапку он все же оставил) и отправился в дорогу.

* * *

Путь его лежал через пустыню. Идти было трудно. К вечеру первого дня он остановился, разжег костер, а наутро взял в дорогу только половину вещей. Еще через день на его плечах болтался только маленький рюкзачок, а сапоги, темные очки, боксерские перчатки и прочие подарки остались ждать других хозяев. В это день Агао встретил караван верблюдчей. Погонщик согласился взять его с собой. К вечеру они устроили привал. Только тут, у костра, погонщик стал расспрашивать Агао.

- Так ты, значит, переродителя ищешь? Трудное это дело. Знаешь?

- Знаю.

- Обычно это не получается. А у тебя - почему получится?

Агао стал думать; он зашел в самую глубину сердца и вдруг набрел на ответ.

- Я - хороший.

- Ага, - сказал погонщик, - это меняет дело. Тогда давай говорить серьезно. Я - маг и волшебник. Смотри!

И погонщик щелкнул пальцами, и костер из желтого стал синим, потом черным, потом зеленым, голубым, фиолетовым- Потом он занялся верблюдчами и превратил их в слонов, жаворонков, драконов, мышей - а потом обратно в верблюдчей. Агао затаил дыхание.

- Я и тебя смогу научить волшебству. И тогда ты сможешь найти своего переродителя. Хочешь?

- Да. Да, да. Знаете, я всегда хотел стать волшебником!

И волшебник взял его в свои ученики.

* * *

Караван пришел к сказочному дворцу. Пока погонщик разводил верблюдчей по стойлам, Агао решил обойти дворец кругом. Но с другой стороны дворец оказался простой бревенчатой хижинкой с соломенной крышей. Агао побежал обратно - спереди дворец, - назад: сзади - хижина! Его так это изумило, что он бегал вокруг, пока не запыхался. Тут его позвал погонщик.

- Итак, я буду давать тебе задания, а ты будешь их выполнять. Но смотри: надо делать все точно.

- В первый день - а может быть, в первый месяц, как справишься, - ты будешь учиться смелости. Ты найдешь свою смелость.

И с утра следующего дня Агао стал тренировать свою смелость. Он взлетал на воздушном шаре и прыгал оттуда с одеялом вместо паруса. Он катался по бурному морю на доске. Без воды он уходил на целый день в пустыню. Он охотился на тигров с одним копьём. И через месяц учитель сказал:

- Хорошо. Ты действительно стал смелым. А теперь ты будешь учиться трусости.

И целый месяц Агао ходил ночами смотреть на страшные пляски драконов посреди пустыни - драконов, которых никто не мог победить, и где смелость была не нужна. Он спускался в глубины моря и смотрел на животных, никогда не видевших света. Волшебник показывал ему целые деревни и города, погибающие от таинственных болезней, где смелость была ни к чему. Через месяц он сказал:

- Теперь ты, наверное, понимаешь, что смелость не везде годится, и есть вещи, которые сильнее тебя.

- Да, я понимаю.

- Тогда подумай, как можно быть и смелым, и трусливым одновременно.

Через три дня Агао пришел к нему и сказал:

- Я думаю, я понимаю.

Волшебник посмотрел в его глаза и сказал:

- Мне тоже так кажется.

* * *

После нескольких дней отдыха он дал Агао новое задание:

- Теперь ты будешь учиться быть веселым.

Несколько недель Агао провел на ярмарках, праздниках смеха, в цирках, где выступали лучшие клоуны и скоморохи. Каждый день он выдумывал по семьдесят шуток и пятьдесят пять анекдотов. Это было совершенно потрясающее время. Но однажды волшебник сказал:

- Хватит. Теперь учись грусти.

И Агао принялся ходить по пустым лесам (тогда уже началась осень), по берегу холодного моря, по пустыне и думал, думал о всяких печальных вещах: о том, как настает осень, как скучают о нем его родители, как сам он о них скучает, о том, что такое печаль и грусть.

Когда через пять недель он пришел рассказать, что он понял, волшебник сразу же сказал:

- А теперь - спокойствие.

И они стали ходить вместе на веселые ярмарки и сохранять спокойствие там, и в самые печальные места - чтобы и там быть спокойными. Уже через три недели учитель сказал: "Пожалуй, хватит".

* * *

"Твое новое задание, - сказал он ему через несколько дней, - будет потруднее. Ты пойдешь в небесный дом и узнаешь, людчи умирают или нет".

Агао пошел в небесный дом. Отворив огромную дверь, которая одновременное была безмерно тяжелой и воздушно-легкой, он попал на первый этаж, где жило Солнце.

- Скажите, - спросил Агао, - людчи умирают или нет?

- Нет, - сказала Солнце, - людчи не умирают. Они исчезают, как я это делаю каждый вечер, а потом появляются, как я это делаю каждое утро.

- Спасибо, - сказал Агао. Он попрощался и поднялся на второй этаж. Там веселой гурьбою жили звезды.

- Да, - сказали звезды, - людчи умирают. Как звезда: если она упадет или погаснет, она уже никогда не засияет снова.

- Спасибо, - сказал Агао и поднялся на третий этаж, где жила луна.

- Нет, - сказала луна, - людчи не умирают. Они становятся старше, уменьшаются, дряхлеют, как я, а потом исчезают, и через день возрождаются маленькими - как я - и потом растут, растут...

- Я понял, - сказал Агао и поднялся еще выше. На четвертом этаже его ждала роза.

- Людчи умирают, - прошелестела роза. - Когда они умирают, они плохо пахнут. От плохого запаха гибнет все! Людчи не могут возвращаться из царства смерти. Тогда Агао медленно спустился и вышел из небесного дома. Когда он вернулся к волшебнику, тот спросил его:

- Ну, что ты понял?

- Те людчи, которые как звезды и роза - они умирают. А те, которые как Солнце и луна - нет.

- Правильно, - сказал волшебник. - Твоим следующим заданием будет вот что: тебе нужно спуститься в пещеры подземного царства и узнать, где прячется иголка твоей жизни

И вот Агао спустился в подземное царство. Он зашел в первую пещеру. Как тесно было в ней, как странно было в ней! На Агао сразу оказались одетыми какое-то огромное количество очень толстых и тяжелых вещей. Они были немного похожи на те, которые дал ему с собой оградитель, но еще толще и тяжелее. В ушах у него оказалась вата, сквозь которую он почти ничего не слышал. В глазах замелькали какие-то блики, хотя на глазах были тяжелые очки с темными стеклами. Сверху давило так, будто болела голова. Сама голова бы ла замотана в длинные пушистые шарфы. Агао прошелся по пещере; там был полумрак.

Потом он вышел и отряхнулся: ф-фух!

Во второй пещере было так свежо, немного холодно... Вдруг Агао обнаружил, что стоит в ней почти голый. Ветер, то прохладный, то горячий, дул со всех сторон, и Агао стоял на ветру, такой открытый; потом он двинулся и прошел дальше по пещере. По ней хотелось идти дальше и дальше... но вокруг валялись битые стекла, а сверху было как-то слишком ярко, а снизу как-то очень темно... Он был слишком незащищен там; и он вышел из второй пещеры.

Он зашел в третью пещеру и замер. В третьей пещере был полумрак. Там был полумрак, и в нем медленно-медленно двигались какие-то людчи и какие-то животные. Они ничего не говорили друг другу и поворачивались только очень-очень медленно... Хотелось бежать, хотя было непонятно куда, невозможно было двинуть ни рукою, ни ногою... как в вязком масле, все можно было делать только так медленно... Даже изменить направление взгляда... С огромным трудом Агао выбрался и из этой пещеры.

Выйдя, он стал думать, в какой же из этих пещер может находиться его иголка жизни, где он хочет, чтобы она была.

Потом он вернулся к волшебнику и сказал: "Вторая".

- Вот последнее задание, - сказал волшебник. - Оно тоже трудное. Видишь ли, твоего родителя-переродителя просто нет. Ты не можешь его найти. Ты можешь его только создать. Сейчас я дам тебе много разных фотографий...

И он принес Агао целый мешок фотографий, на которых были изображены разные людчи.

- На одной из этих фотографий изображен тот, кто может быть твоим переродителем. Ты должен найти эту фотографию.

И вот Агао заперся в комнате, разложил фотографии на полу и стал смотреть на них, смотреть... Удивительно, что там не было ни одного людчи, которого бы он не

знал. Там были его родители, его друзья, его учителя в школе, родители его друзей во дворе... Там была даже фотография его самого. И вот он смотрел на эти карточки, изучал их и гадал: кто же может быть его переродителем?

Так он думал один день, два, три дня... Ну как он мог отгадать? Конечно, это не могли быть его друзья, и никто из его родителей тоже не мог стать переродителем. Он думал, думал, и никак не мог ни до чего додуматься.

На седьмой день к нему в комнату заглянул волшебник. "Ну как, - спросил он, - ты смог выбрать одну фотографию?"

Агао поднял голову. У него был такой взгляд, как будто он не узнал волшебника. Не сразу он ответил:

- Я нашел только одну.

- Покажи мне.

И Агао протянул ему фотографию. А волшебник воскликнул:

- Да! Это он!

И вдруг Агао оказался в пустыне возле гаснущего костра, там, где он встретил погонщика верблюдов. Он был один. У него не было того рюкзака, но в руках он сжимал фотографию. Это была та самая фотография, которую он выбрал из всех. И на этой фотографии был изображен поймайчик Агао.

* * *

Опять сказка времен моей работы в детдоме. Я пробовал сочинить для своих ребят сказку, и проблему нехватки родителей выразил в таком вот космическом варианте под Воннегута. Но сказка тогда не получилась; остались смешные названия и варианты фантастического бреда. На следующий год я работал в детском саду. Это была даже не работа, а скорее дружеские отношения с детсадом у самого дома. Два раза в неделю я устраивал там "факультатив" - приходил и рассказывал сказки. И была там одна младшая группа... С тамошними четырехлетками были у меня полные нескладушки. Их ассоциативное мышление повергало меня в трепет и в отчаяние. Я мог сказать им слово "желтый", и кто-нибудь сразу говорил, что видел в деревне желтого жука, а другой говорил, что у его дедушки в деревне коза, а третий становился на четвереньки и блеял... От сказки в секунду не оставалось и следа. Этот бардак был особенно обидным на фоне отличных отношений с другими группами. И вот я все ходил к ним и ходил, хотя толку было мало, и радости тоже.

И вот однажды я подготовил для них что-то особое, и отправился, лелея самые сладкие надежды. А они устроили из всего этого обычный развал, и даже хуже. Я страшно разозлился. Не заходя в другие группы, я отправился домой, где в это время стояла аппаратура для звукозаписи - шла запись сказочных кассет. Я заперся в "студии" и записал эту сказку на едином порыве злости, без всякого текста, сразу на чистовик. Так я никогда не делал ни до, ни после.

За прошедшие с тех пор полтора года мне говорили про эту сказку (с кассет, текста так и не было) чаще, чем про другие. Ее очень хвалили. И это всегда были взрослые. И вот я думаю... Нет, думайте сами. И уже после теоретической главы про инициацию прочтите тогда (если взбредет охота думать) сказку Строгой Учительницы из приложения.

* * *

Пофи. А переродитель - это, конечно, ты...

Автор. Нет, я такой поймайчик, который старается, чтобы его не поймали. Притвориться полицейским - обычный трюк для вора. А на самом деле, если ты имеешь в виду мою профессию, то она досталась мне в наказание. Верить?

Пофи. Пока да.

Автор. Гулял я в детстве со своим маленьким братиком. Мне тогда было, кажется, 16, а ему 7. И вот мы проходим мимо кафе, которое только что открылось. На нем вывеска: по-русски "Драники" и по-украински "Деруни". Он спрашивает - что это? А я отвечаю: "Есть родители, которые не могут бить своих детей. И когда им это все-таки нужно, они их приводят сюда. Это такое специальное учреждение, там в одной комнате оформляют квитанцию, как побить, сколько, а в другой специальные работники выполняют".

Сказал - забыл. А мой братик потом две недели мучился, чуть по ночам не плакал - или даже плакал - пока не признался маме. Она мне устроила "драники"! Но мамин гнев - это была мелочь. А вот как судьба меня покарала... Сижу я теперь в своем кабинете в поликлинике, на мне халат, ко мне родители приводят детей и просят, как их побить, сколько...

Пофи (хохочет). Халат с капюшоном?

Автор. Нет, обычный такой, белый... А в прихожей на мраморной доске выбита цитата из дневников детского поэта Хармса: "Конечно, травить детей нельзя, но что-то же с ними делать нужно..." Ну нет, вру, нет пока мраморной доски. Но и прихожая не только моя. Это же детская поликлиника. Там еще кабинет, где делают уколы...

Пофи хохочет.

Маленькая теоретическая глава 7

ИНИЦИАЦИЯ

Это не я первый придумал. Это не я первый придумал. Много разных, достаточно независимых друг от друга людей, пришли к выводу, что в основе сказок лежат обряды инициации. Отвечая на вопрос, что же в сказочной структуре ТАКОГО, их обязательно стоит иметь в виду.

Обряды инициации - это сконцентрированный процесс превращения ребенка во взрослого. Во всяком случае, так они построены: в начале этого обряда - ребенок, а после конца он оказывается в новом состоянии - и в новом статусе - взрослого.

Есть много вариаций этих обрядов, поскольку они были распространены, да и сейчас существуют, у очень разных народов: у американских индейцев, у негров, австралийцев, полинезийцев. Но основная часть примерно одинакова, и это само по себе удивительно. В среднем это выглядит вот как.

Дети в раннем возрасте обладают очень большой свободой, и во многом предоставлены сами себе. Их никто ничему не учит, но никто ничего особенно и не требует. Но им многое запрещено из взрослой жизни: им нельзя ходить на охоту, участвовать во многих церемониях, даже есть определенную пищу. И уж конечно, им нельзя жениться.

Но в какой-то момент, это может быть в разном возрасте, но в общем-то где-то между десятью и четырнадцатью, происходит вот что. Мальчиков - да, а гораздо более распространены и известны именно мужские обряды, и я о них и буду рассказывать - итак, мальчиков собирают и выводят из женской части поселения, где они до этого жили. Матери и сестры при этом могут бороться за них и оплакивать их увод, как будто их уводят на смерть. В каком-то смысле это так и есть: больше мальчики в эту часть деревни и в это окружение не вернуться. Их уводят грубо, на них могут кричать и бить их палками. Делают это, конечно, мужчины. Затем их отводят в какое-то удаленное место. Одно такое место я видел в Нью Мексико, в горах Бранделиер: там это выложенная камнями яма глубиной метра два с половиной, размером чуть больше этой комнаты. Мальчишек помещали в эту яму, по краям выстраивались воины, и обряд начинался. Он мог тянуться неделю или даже несколько месяцев. У него было несколько принципиальных частей.

Одной было символическое убийство и возрождение. Например, строился длинный дом в виде дракона, и мальчиков по одному заводили в пасть, а сидящий на крыше жрец или воин кричал, издавал звуки, имитирующие пожирание и лил сверху кровь. Внутри смерть могла имитироваться поподробнее: иницируемого могли опять бить, выбить зуб и так далее. В результате должна была появиться метка, клеймо.

В обряд также входило обучение. Мне очень нравится описание первого урока в инициации у индейцев хопи. Перед мальчишками исполняли ритуальные танцы, типа тех, которые они уже видели на праздниках урожая или когда призывали дождь. В этих танцах, по идее, танцуют боги и духи в устрашающих масках. И вот после таких танцев мальчикам объявляли, что сейчас им откроют огромный секрет - и боги снимали маски, и оказывались знакомыми мужчинами. Секретность этого подтверждалась тем, что мальчишек секли стеблями юкки - очень жесткими прутьями, оставлявшим очень чувствительные следы на спине. За разглашение секрета, объявляли им, их стали бы бить гораздо сильнее. Дальше их начинали учить основам мироздания и всему, что должен знать взрослый воин. Им рассказывали историю происхождения мира, устройство страны предков, объясняли пути перемещения душ людей и животных, законы охоты и войны.

В конце концов их вели на первую охоту. Иногда происходило сразу после учебы, но у многих народов юноши вначале должны были прожить какое-то время в лесу, изучив повадки своих животных - обычно тотемных животных племени, но

иногда им нужно найти своих собственных покровителей и братьев. Это какое-то время могло продолжаться до года. Вернувшись, юноши должны были нести с собою силу своих животных собратьев.

Частью обряда была передача мужской силы от взрослых членов племени молодым. Наглядно это могло выглядеть так: взрослые воины садились в кружок, надрезали себе руки и каждый сливал свою кровь в одну чашу, передававшуюся по кругу. Когда чаша была полна, иницилируемые пили из нее. Кроме того, сюда входили танцы (часто многочасовые, ночные, до полного истощения), обучения стрельбе, борьбе, ориентированию и т.д.

После конца инициации, когда юноши возвращались в свое селение, даже если их не было всего неделю, часто их не узнавали. Они должны были пройти через специальную процедуру - например, войти в комнату, где мать билась и кричала, имитируя родовые схватки, и пролезть у нее между ногами. Выйдя, они оказывались заново рожденными, часто получали новое имя. Потом они уходили жить в особый дом для молодых мужчин, и там жили все вместе, пока не женились и не расходились по собственным хозяйствам. С этого времени они уже не были детьми, они обладали обязанностями и правами взрослых мужчин.

* * *

Милый читатель, если вы не заметили, я вам сообщаю: мы переменили тему. Вообще связки между разными линиями и кусочками в этой книге - опасная штука. Иллюзия развития прежней темы уводит вперед, а сознание не справляется с потоком совершенно разных форм и в общем-то не совсем одинаковых мыслей. Глаза еще скользят, но внимание уже далеко. Гипнотический принцип. Не поддавайтесь, прошу вас.

Структурная часть окончена:

Часть 2

"Структурная"

и нас захлестывают вопросы поинтересней. Видали, куда Братец Вайнер скаканул?

Структуры в этом нет никакой, да и доказательств не густо, но -

"Доказанная правда есть, собственно, не правда, а всего лишь сумма доказательств...",

но теперь - теперь мы переходим к целой жизни!

Часть 3

"Экзистенциальная моя жизнь"

ИВА И РУЧЕЙ

Ива росла у ручья. Ручей и Ива были влюблены друг в друга. Жаркими днями Ива опускала в Ручей свои ветки, и они плыли по воде и гладили ее; а Ручей расчесывал их как косы и, играя, окутывал Иву завесой мельчайших брызг.

Когда-то, давным-давно, когда почти никто в мире толком не знал, кем он станет, Ива была охотницей, а Ручей - колдуном и знахарем. Она жила в маленькой хижине, а у него и дома-то не было, только сундучок с книгами и пузырьками и волшебный зонт. На этом зонте, если начинался дождь, колдун улетал на тучи и там располагался и сушился. а когда дождь был долгим, он привязывал себя к открытому зонту и ложился спать; и если тучи рассеивались, то он мягко слетал вниз, и зонт уж сам выбирал полянку посуше. А тогда нелегко было охотиться на зверей и собирать травы! В те времена мало кто в мире уже выбрал себе окончательный вид, и почти все существа менялись как хотели и как могли; так что, например, камень в реке мог вдруг захлопать крыльями и взлететь вороной, а кошка разлентиться до того, что превращалась в подушку или собственную тень на песке. Звери и птицы, и даже дома и дороги еще превращались тогда друг в друга, и каждый искал, кем ему быть лучше. Еще и сейчас облака и сны не знают, кем станут, и часто меняются; а тогда так делали почти все. Так что можете себе представить, как трудно было охотиться или собрать травы! ведь убегающий от вас заяц мог превратиться в тополиный пух, а собранные ягоды разлететься божьими коровками!

Но все же Ива охотилась, а Ручей собирал травы и готовил из них целебные настои. Они знали друг о друге понаслышке. Ветви плели лесные сплетни, из рассерженного ствола вынимал иногда колдун серебряную стрелу, а ночью кто же не видел хоть раз летящий в вышине черный зонт? Время шло, а время - самый могущественный волшебник на земле. Оно изменяет все. И колдун и охотница тоже менялись со временем. Он собирал все меньше растений, а когда лечил больных, уже не давал им настойки целебных трав и ягод, а говорил: "Пойди в дубраву, да найди желтые цветы, подыши ими на рассвете, а днем не забывай смотреть на мак, васильки и березы". Или что-нибудь почище этого: слона, чтобы вылечить от водянки, он заставил помочь муравьям построить муравейник; и вы бы видели, как весело тот таскал хвоинки и палочки, а про водянку и думать забыл!

И охотница все реже вынимала стрелы из колчана, а иногда и вовсе вместо стрел набивала его бутербродами и орехами. Зайцы, которые и раньше ее не боялись, теперь просто от нее не отходили. Она играла с ними в прятки и учила понимать язык волков. Она все больше пела, вначале подыгрывая себе на тетиве лука, а потом вдруг натянула на лук еще несколько струн и сделала из него лютню. Она все еще очень любила бегать и стала устраивать в лесу соревнования - наперегонки с оленями, зайцами, ласточками.

И вот однажды...

В глубине леса, на древней Поляне Сходок, где старейшины леса придумывали законы и жгли костер для всех, кто заблудился, в глубине леса, где снег не тает до июня, где живут звери, о которых никто не говорит, - так вот, в глубину леса забрел однажды знахарь и встретился лицом к лицу с прекрасной охотницей.

Когда это было?

Сколько времени они простояли там, на поляне, лицом к лицу, и сколько взглядов родилось и растаяло в вечерних сумерках? Этого мы не знаем; ясно только, что это было до Великой Бури.

Говорят (болтали сороки и шептали волны прилива), что Великая Буря началась от их третьего взгляда. Но может быть, она началась не от того и не тогда. Говорят еще (я слышал от майских жуков и медвежат), что тогда старушка Время остановилась, чтобы поглядеть на них, а когда опомнилась, рванула свою телегу превращений так резко, что небо не удержалось, и оттого, будто бы, и началась та Буря. Но что толку верить тем, кто до Бури были совсем другими? Потому что Буря изменила всех. "В Великую Бурю, сынок, - качала малыша медведица, - с неба лилось столько огня, сколько шерстинок у папы, и у меня, и у тебя, и у всех медведей, и даже, наверное, больше. Небо грохотало так, что оно бы всех оглушило, если бы уши не были залиты водой. Ох, и ливень был! а деревья все равно горели, молний было больше, чем дождинок. Деревья переставали держать землю, и она трескалась!"

Вы спросите: а что же все они тогда, и деревья, и животные, не превратились в камни, чтобы было не больно и не страшно? В том-то и беда, что многие превратились. Ведь до Бури камней было совсем немного; кому захочется быть камнем среди веселого леса? Только после Бури стало так много камней, как сейчас. Некоторые птицы так испугались Бури, что вначале улетели далеко-далеко от Земли, а потом уже превратились в камни; и до сих пор некоторые из них возвращаются обратно. Эти камни падают на землю с неба, обычно ночью, потому что им стыдно. Люди зовут их метеоритами.

Многие стали камнями; многие даже песчинками и галькой. И когда окончилась Буря - а никто не знает точно, сколько она длилась - три дня или семь лет, - мало кто даже заметил это. Ни деревьев, ни трав не было на растресканной земле. Испуганные звери рассеялись и попрятались, и многие из них сами забыли где. Повисло солнце, высохли лужи. Подул ветер и нанес песка. И на месте прежнего леса, там, где прыгали белки и бродили зубры, легла бескрайняя пустыня, голая пустыня, пустая пустыня, где царили пески да камни.

Из дальнего далече шел по пустыне домой заяц. Шерстка его вытерлась, глаза застилала слезная дымка. Третий день он брел без воды, не встречая не только зайцев, но даже стрекоз и ящериц. Иногда он видел миражи: реки и озера, кусты и сочную траву, и он бросался к ним, а потом видел: это песок, песок, да пленка облаков за горизонтом. Мираж.

Заяц заснул, поев каких-то колючих сухих листьев, и то ли снилось ему, то ли нет, что два высоких человека проходили по пустыне. То ли снилось ему, то ли нет, что на месте, где они остановились, выросла ива и журчал ручей. То ли снилось ему, ведь он спал, спал так сладко усталой головой на лапах, когда за ухо его тронула зайчиха и сказала: "Маленький, вставай". И он вскочил, не веря своим глазам, а на полянке у ручья, где стояла ива, уже росла трава и распускались цветы, и пели птицы, и зайцы, и белки прыгали там, а из-за холмов бежали все новые и новые, и приходили деревья, копали себе ямки и пускали корни, и журчал ручей, и ива шептала ему что-то своими длинными ветками, а у ее ствола стоял никем не замеченный сложенный черный зонт.

* * *

Теперь, когда с написания сказки прошло два года, я вдруг подумал, что ведь это они принесли свою взрослость в жертву общему детству. Потому что мир, в котором нет окончательных застывших форм - это, конечно, детство.

* * *

С тех пор лес разросся и зацвел. Значит, они не прогадали. Детство вообще можно устраивать где угодно - то есть само детство подходит для этого, наверное, лучше всего, но все то же самое можно устроить и в двадцать, и в тридцать. И достроенные кусочки становятся на свои места.

* * *

Мы все изменились после Бури. Одни сделали вид, что добровольно, другие кричали, что насильно. А что делать тем, кто стали камнями? А чем ручей лучше камня? Хороший актер хорошо сыграет любую роль, плохой на всякую будет жаловаться. А Время - самый предсказуемый персонаж - вечно тянет свою телегу, превращая их друг в друга.

* * *

Розовая девушка. Обожаю сказки про любовь. Почему вы так мало их пишете? Настоящий мужик. А мне вот сказки про любовь кажутся чисто женским делом... Даже не потому, что... Ну, как будто это сказки, специально поучающие, как быть несчастным. Я вот "Русалочку" терпеть не могу... Автор. Хотите рассуждение на тему почему мы стремимся к несчастью? Розовая девушка. Слушайте, а давайте не сейчас. Сейчас все так прелестно, в этом мире, где нет застывших форм... У вас же есть теоретические главы - ну и сделайте еще одну.

* * *

Сказано - сделано.

Маленькая теоретическая глава 8

QUEST FOR UNHAPPINESS

Интересно, счастливы ли мы сами по себе, по определению? Есть ли счастье наше естественное, неиспорченное состояние? Еще более интересно - к чему же мы, по большому счету, стремимся: к тому, чтобы быть счастливыми или... наоборот?

После хорошего трудового дня психотерапевта впечатление очень определенное: люди стремятся пребывать в несчастье, идут на любые ухищрения, выстраивают удивительно хитрые и запутанные системы, у которых не найти другой цели, кроме той, чтобы поддерживать стабильное ощущение несчастья, а счастье отодвинуть куда угодно - только не на сегодня.

Но ведь не может же быть, что мы стремимся к несчастью? (Так переводится с английского заглавие: что-то вроде "В поисках несчастья").

Одна маленькая - простите, опять биологическая - теория.

Представим себе сообщество наших предков, похожее на стадо человекообразных обезьян. Одной из его важных черт является иерархия. Все члены сообщества разделены как минимум на две четко отграниченных друг от друга категории: альфа-особи (вожди, доминанты) и омега-особи (подчиненные).

Для поддержания постоянной структуры нужно, чтобы ее поддерживали и верхи, и низы. Как это делают верхи - понятно. Как это делают низы... Вот у муравьев все просто: рабочие недоразвиты в половом и в куче других смыслов. Пока царица жива, программа их поведения настроена на работу, и ни на что другое. Если царица погибает, у ближайших к ней особей перестраивается все тело, и уже тогда они начинают борьбу за престол, нещадно, конечно, друг друга грызя. Но вот остается одна самка; оппозиция предана смерти, и опять в телах остальных - гормональное равновесие и рабочее настроение.

Высшие млекопитающие устраиваются более гибко, и часто психологическими приспособлениями заменяют физиологические. Они не могли себе позволить держать столько самок или самцов в стерильном состоянии. Но вполне могли выработать у них состояние определенной психологической подавленности, чтобы желание сменить командование просто не возникало в голове. Что-то подобное должно было выработаться обязательно. И было выработано. Есть много красивых иллюстраций тому. Мне лично больше всего нравятся эксперименты Сапольского, который измерял у самцов бабуинов концентрацию мужского полового гормона (тестостерона) в крови при стрессе. От уровня тестостерона зависит, естественно, и уровень всяких адреналинов, и агрессивность, и т.п. Так вот, у доминантных бабуинов после стрессового воздействия (грубо говоря, удара по ушам) уровень тестостерона поднимался, а где-то через час возвращался на прежний уровень. А у подчиненных особей - снаружи точно таких же самцов - после стресса уровень тестостерона как падал, так и оставался пониженным примерно вдвое еще несколько часов.

Теперь представим себе, что у детей подчиненного самца дети скорее всего займут подчиненное положение - то есть что это омега-состояние наследовалось. Тогда в игру вступают факторы естественного отбора - можно сказать, отбора на психологическую подавленность. Опять заметим, что все это происходило в сугубых интересах всего сообщества. Добавим, что отбор действует слепо, то есть изменение происходит одновременно на всех уровнях: генетическом, социальном, личностном, ценностном... Подобные отношения со стрессом, очень похоже, приводили и к психосоматическим недугам - но если они не передавались детям (поскольку возникали в зрелом возрасте), то это вообще эволюционно не контролировалось.

И вот следующий акт: иерархическая структура разрушается. Наступает это сейчас, с западной демократией, или две тысячи лет назад - нас не волнует: эволюционно это не значимые сроки. Пусть даже она совсем разрушается, с

равновероятной возможностью любого человека занять любое иерархическое положение (хотя переход коммунистов в бизнесмены меня убеждает в обратном). Неважно. Структура разрушается...

И остаются одни омега-особи.

То есть мы с вами.

Еще раз повторю, что закрепленная эволюционно предрасположенность действует любыми путями, которые даже в принципе нельзя отследить целиком. Это и генетические факторы, и то, что передается культурально. Это формы поведения, это ценности и убеждения, это понятие "я" в любом его смысле. Если допустить, что сказанное верно, все они "заражены" понятием о второсортности, подчиненности, что является прекрасной основой для того, чтобы быть несчастным.

Конечно, в сущности, это Берновская модель лягушек и принцев - с той разницей, что Берн считал ответственным за положение дел семью и воспитателей. Очень может быть, он прав: это действительно может быть главной силой. Но, может быть, и нет. Что-то слишком мало я встречал принцев...

А вывод отсюда я бы сделал только один: возможно, мы вовсе не настроены на счастье самым актом рождения, и достижение этого самого счастья требует активных усилий. Возможно, кстати, что обществу по-прежнему выгодна психологическая подавленность большинства его членов. Что ж, тогда эти действия должны быть тем более активными. Заметим, что речь идет о приспособлениях достаточно гибких, слабых факторах. Да и разделение на альфов и омег не могло быть чересчур жестким (например, из-за общности самок). Так что я не говорю о чем-то вроде первичного греха: мы созданы быть несчастными, и все тут. Я скорее говорю, что при прочих равных - если ничего не предпринимать в обратную сторону - человек поступает так, как будто его основным делом является QUEST FOR UNHAPPINESS!

ДЕД, ВНУЧКА И БОЮСКИ

Однажды дед на внучке женился. Свадьбу сыграли, в родителей вишневыми косточками кидали. Стали в большом доме жить. Хороша невеста, да всего боится. "Боюсь я, дед, на огород ходить: там червяки в земле ковыряются!" Лазает дед по огороду, от земли борода чернеет. "Боюсь я, милый, коров: у них хвост да рога мотаются". Дед и коров доит, молоком в вечеру белеет. "Ох, и огня, дед, и огня! Печка - она искрами плюется!" Вот и ужин дед кашеварит, бороду задумчиво кочергой очесывает. От такого от хозяйства добра не жди; не успевал дед всего сделать. Корову продал, лошадь продал, и от огорчения сам слег. Заболел. Ну, внучка попробовала поплакать и тихо, и в голос, да все не в помощь. Решила она тогда в город на базар сходить, купить лекарств и еды. Денег у нее, правда, не было, но она решила: "Продам чего-нибудь". И вот, хоть и было ей страшно, на базар далекий она с утречка и отправилась. Деда ведь своего все же любила!

На базаре - толчея, гомон; она стала в сторонке, чистый плат расстелила. А что же дальше? Подходит народ: на сем месте что продается? Мнется бедная внучка, не знает, что и сказать. Тянет кого-то за рукав: "Дядь, а что продавать здесь можно, чтоб подороже?" Он спрашивает: "А что у тебя есть?" - "Да ничего нет". "А что умеешь делать?" Тут она заплакала: "Да ничего не умею, я всего боюсь!" "Хм, - говорит дядька, - так ты боюски и продавай". "А возьмут?" - не верит дивчина. "А ты попробуй". И вдруг как закричал дядька: "Эй, народ! Товар исключительного назначения! Подходи за боюсками!"

Народ стал осторожненько подходить, интересоваться: что за товар такой? Дядька говорит: боюски на любой вкус. Для жен, детей, крупного и малого рогатого

скота. А девчонка говорит: "И курей с петухами". "Что для курей?" - подлезает бабка. "А вот бегают твои куры далеко от дома?" - спрашивает посредник. "Ох, бегают, проклятые", - соглашается бабка. "А ты купи для них боюску дальнего пространства. Есть у нас такая?" - спрашивает у девчонки. "Еще как, - солидно говорит она. - Вам на целый птичий двор?" - "Уж пожалуйста", - говорит бабка.

Вот торговля завертелась не на шутку! Купили боязнь огорода для гусей и коз, купили боюски темноты для крыс и тараканов, ну все раскупили на корню! Один оригинал купил боязнь рек и моря, чтобы палить в облака и тучки: хотел, чтобы они проливались только над сухой землей. И только для малых ребятишек ни одной боюски не продали, ни мамкам, ни нянькам. Вот как! На вырученные деньги купила внучка лекарства и еду, и для того дядьки, который ей помог, праздничную рубашку, и для себя леденец. Целый день провела на базаре. Только к вечеру вернулась домой. Там дед ее встретил, своим глазам не поверил. От радости он и без лекарств выздоровел. И потекла их жизнь весело и бойко, и работали они теперь вместе, и на ярмарку вместе ездили. Найти бы и нам такое счастье.

Я собрал свои боюски недавно. Старые они были, поломанные и запачканные. Кто такие возьмет? Эх, молодость! Плюнул, выбросил мешок с боюсками за крыльцо. Там и валяется. Кто интересуется - подходи, выбирай, мне не жалко. Только чур - не для малых ребятишек!

* * *

В этой сказке самое поразительное - это то, как она работает. Схватив идею базарного дядьки, маленькие негодяи спокойно меняют свои страхи, еще за минуту бывшие такими реальными. Чем, с одной стороны, ставят меня идеологически в тупик; а с другой, подтверждают идею о вторичной выгоде, которая легла в основу сказки. Идея эта говорит о том, что если какой-нибудь симптом дает своему обладателю хорошую жизнь, ни один нормальный человек с ним так просто не расстанется. Отсюда и противоядие: купля-продажа, а не воспитательная работа или развивающие игры.

В детском саду я устроил однажды целый магазин, покупавший боюски за игрушки из местного же инвентаря. Теперь я - обладатель коллекции, сделавшей бы честь любому деду Бабаю. Вытащенные на свет, боюски оказываются милыми и привлекательными.

* * *

Критик. То есть ты хочешь сказать, что ребенок в какой-то части своих страхов прикидывается? А когда болеет - тоже прикидывается? Автор. Этого никто не знает. Мне это кажется одним из центральных вопросов медицины: почему при одинаковом количестве микробов внутри и снаружи один человек гриппом заболевает, а другой - нет. Вся красивая иммунология этого не объясняет. Это как раз то место, на котором у психотерапии есть вполне приличные постройки, а у традиционной медицины только полевые носилки и вечно убегающие санитары. Так вот, самая значительная постройка - это, конечно, Первая Благородная Истина Психосоматической Медицины, а именно...

Дедушка Фрейд. Бегство в болезнь.

Автор. Увы. Мы все способны представить себе, как ребенок заболевает, чтобы не идти в школу, но не представляем себе, как широко это развито.

Строгая учительница. Потому что мы не знаем, что с этим делать; в школу ведь идти все равно нужно.

Автор. Да. Но есть и другой аспект. Когда у меня бывает грипп, я иногда этого просто не замечаю. Можете себе представить?

Строгая учительница. Я вообще не знаю, чем я должна заболеть, чтобы не пойти на вечер своего класса. Даже на контрольную...

Психолог-милашка. А я иногда обожаю поболеть. Набираю книг, заказываю любимые кушанья - и кайфую.

Строгая учительница. Это где ж ты их заказываешь?

Психолог-милашка (сконфуженно). У мамы...

Пофи. А я просто так себе иногда разгрузки устраиваю, когда хочу: тоже вначале покупаю еды, беру книги - и дня на три в загул. Или в лес, хотя бы на денек.

Строгая учительница. А мама разрешает?

Пофи (смеется). А я не спрашиваю.

Настоящий мужик. А я совсем не умею болеть. Даже когда валюсь с ног, не могу лежать. Мне вся семья твердит: лежи, лежи, а я встану и пойду на кухню хотя бы кашу сварить или гвоздь там вбить... Вот елки-палки... Дед я и есть.

Критик. Так тому повезло, что заболел влечку?

Настоящий мужик. Точно.

Пофи. А внучке тем временем дядька помоложе помог...

Маленькая теоретическая глава 9 ПРИНЦИПЫ СКАЗОЧНЫХ РЕШЕНИЙ

Практически в каждой сказке есть определенные проблемы и есть их решения. Давайте составим маленькую картотеку таких решений. Для этого мы возьмем гипотетическую проблему и попробуем придумать сказок для ее решения. Пусть это будет боязнь темноты у маленького ребенка.

Схема сказочного сюжета:

Зайчик боялся темноты. Встретил друга котенка. Пошли вместе исследовать ночной лес. Чудовище оказалось веткой, страшный "желтый глаз" - фонарем. Встретившийся филин уснул их спать, сказав, что дети ночью по лесу не гуляют.

Принцип решения:

Помощник (такой же как герой). В самое пекло. Узнавание. Границы.

Схема сказочного сюжета:

Мальчик дружил с Солнцем и боялся Ночи. Ночь ушла. Солнышко без нее устало, стало плакать. Мальчик пошел звать Ночь и ее дочь Темноту. Те вернулись и все сдружились.

Принцип решения:

Утрированная победа, ее негативные последствия. Для кого-то (покровителя). Диалектика.

Схема сказочного сюжета:

Крот боялся света. Влюбился в бабочку. Стал оставаться по утрам, любоваться ее полетом. Раньше он думал, что слепой, при дневном свете оказалось: видит!

Принцип решения:

Противоположность. Любовь. Постепенное привыкание. Отвлечение.

Схема сказочного сюжета:

Медвежонок потерялся в лесу, боялся идти домой из-за темноты. Светящаяся блоха попросила его перенести ее на поляну, где у них - блох - собрание. Там обещала дать заклинание против страха. По дороге кусала, но светила. На поляне медвежонок выучил "Э-ге-ге, о-го-го, не боюсь я ничего!" и побежал домой.

Принцип решения:

Промежуточная цель (конфетка посередине). Плата. Интернализация ресурсов.

Схема сказочного сюжета:

Аленушка боялась темноты. Осталась дома на ночь с Иванушкой. Везде жгли свет. Иванушка поранился ножом, Аленушка испугалась, побежала через поле за доктором. Только провожая доктора обратно, заметила, что совсем не боится темноты

Принцип решения:

Вытеснил другой страх. Внезапность. Для кого-то (меньшего).

Схема сказочного сюжета:

Мама оставила мальчика-трусишку одного ночью. Он возмутился, оделся и пошел все рассказать бабушке. Та жила на другом конце города. Прошел через все темные улицы и дворы, пожаловался; пока возвращался, засыпал по дороге, да где-то страх и потерял.

Принцип решения:

Обида, злость. Против кого-то.

Схема сказочного сюжета:

"Фиолетовый котенок"

Принцип решения:

Вина. Угроза. Насмешка. Расширение мира.

Видно, что эти решения перекликаются друг с другом и могут быть объединены в более общие группы. Многие решения связаны с присутствием другого - помощника, покровителя, слабейшего. Изначальный страх могут победить другие эмоции - любовь,

страх, вина, обида. Диалектика, расширение, границы составляют узнавание мира как он есть, его объективацию.

Все приведенные здесь решения подпадают под то, что можно назвать изменением отношения - когда внешний мир остается прежним, а меняется только позиция героя. Возможны также решения с изменением мира или других людей. Эту классификацию наверняка можно продолжить и усложнить, но нас скорее интересует просто само понятие о решениях и первичная "база данных", от которой мы потом оттолкнемся. Кстати, это, конечно же, не просто сказочные решения, а очень просто выраженные решения психотерапевтические.

Заметим, что в сказках - и в жизни - одного человека присутствуют обычно очень ограниченное количество решений. Три, пять, семь излюбленных и привычных решений кочуют по всем его сказкам и ситуациям. Заметим еще одно. Среди обозначенных решений, я почти ручаюсь, есть не только "ваши" и "не ваши". Там есть те, которые уж слишком "не ваши", эмоционально неприятные. Для одних неприятно понятие границ, для других - вины, угрозы, злости, платы, конфетки посередине... Заметим их и пойдем дальше. Нам уж недалеко.

СОБАКА ДИКАЯ

Жили-были старик со старухой у самого синего неба. Слугой у них служил горилла, славный волосатый парень, волшебник-простака. Что старики ему ни говорили, все делал. Жили они тихо-тихо, потому что горилла все понимал с полуслова и даже с шепота. А что же в них было сказочного? А вот что: детей у них не было.

И ведь что за беда? Принес бы горилла им ребенка, ему бы только сказали. Но бабка стеснялась, а дед хорохорился. Еще в молодости, бывало, когда было им без ребенка неведомо, они хотели попросить слугу своего. Выйдет дед на двор и скажет: "Эх, горка! Хорошо мы живем, черт нас подери! Ничего не надо! Айда рыбу ловить, волосатая морда!" А бабка своего настрадает, отзовет гориллу в сторону и зашепчет: "Нам маленького бы..." Вмиг появлялся у нее щенок или портрет в миниатюре. Они и мечтать о том с годами бросили; видно, думали, так судьба распорядилась.

Однажды востроносая судьба заглянула в их дом, разбила кофейник и похихикала над их толковостью. Все же она решила сделать старикам что-нибудь приятное. Для начала она сломала дверной замок, чтобы можно было потом протащить что-нибудь без спроса.

У деда хватило ума замок на место не ставить. И горилле не позволил.

- Обожди, - сказал он. - Новый гость лучше старого.

Поздней ночью притащила судьба в их дом мешок, оставила его на кухне и испарилась. С утра содержимое мешка диким образом залаяло: Гав! Гав! Рау! В доме у них такого шума отродясь не бывало! Выскочил дед из спальни и опешил:

- Вот те раз! Собака дикая!

Появилось у подарка судьбы имя, появилась и работа. Только она и делала, что моталась по дому и непрерывно лаяла. И вы думаете, это все? Ха! Больше всех она лаяла на гориллу. А теперь сами посудите: что делал горилла в доме? Он слушал стариковские шамканья и пришепоты, чтобы их потом исполнять. А тут он не слышал ничего! Вилась, скакала вокруг проклятая собака и заливала все песней-лаем.

Горилла стал все реже в дом заходить; а старики стали помаленьку и сами работать. И вот наступил грозный день: пришел к ним горилла в последний раз. Напустилась на него собака пуще прежнего. Кричит он своим хозяевам: "Ухожу я! По такой жизни я вам больше не слуга! Загадывайте мне последнее желание!"

Теперь представьте себе: стоит домик у самого синего неба. В домике стоят старик со старухой, глаза вытаращили, перед ними - волосатый горилла, а вокруг него скачет и надрывается диким лаем собака, судьбинный подарок. Представили? А пока представляли, они все на двор вышли, чтоб хоть чуточку слышнее стало.

- Милый гориллушка, - начала бабка, - спасибо тебе за великие твои труды!
- Чего, - кричит горилла, - сотворить пруды?
- Нет, дай я, - говорит дед, - горилл, лучше тебя нет слуги...
- С грибами пироги?
- Да нет, - уже горланит дед, а сам бабку локтем в бок. - Чего просить будем?
- Я сама, - торопится бабка. - Горильчик, нам бы прибыточку!
- А, денег? - дошло наконец до балбеса.
- Нет, милый, продолжение в семью надо!
- Свинью в стадо?
- Нет! Что ж тут непонятно: малютку в колыбель!
- Голубятню и голубей?

Ну что ты тут будешь делать? А собака - заливается! Дед орет, бабка орет наперебой:

- Наследника!
- Передника?
- Крошку!
- Кошку?
- Младенца!
- Полотенце?

Кончилось тут у стариков терпение, они в один голос заголосили:

- Сына! Сына!! Сына!!! СЫНА!!!

От крика их небо разорвалось (ведь было оно у самого дома) и гром раскатился! Тут понял горилла, улыбнулся, щелкнул пальцами и исчез. А уже побежали с неба капли ливня и зашуршали кругом молнии. Побежали старики в дом, хлопнули дверью, видят: стоит на столе люлька, в ней - ребенок, их сын! Пока кормили его и обхаживали, гроза кончилась. Ну дела! А где собака? Ясно где! А горилла? Пришел через три дня, свежeweмытый и подстриженный.

И стали они жить-поживать, ребенка в люльке качать. А вы чего тут все вокруг люльки собрались? Ну-ка, расходитесь, братцы, дайте парню сил набраться. Сон свят, все спят...

* * *

Розовая девушка. Как интересно: у них исполняются все желания, кроме главного.

Дедушка Фрейд. Молодцы, знают, где собака зарыта!

Братец Вайнер. Ой, нет, ну что вы все о сексе!

Психолог-милашка. Так вы думаете, дед с бабкой просто боятся...

Настоящий мужик. Вообще похоже на то.

Психолог-милашка. Горилла им зачем-то нужен...

Пофи. А горилла волосатый весь...

Едкая девушка. Так, теперь я вырубилась. Что вы хотите сказать: что дед и бабка вытесняют свои сексуальные желания? Ну и что? А кто такая тогда собака?

Автор (смеется). Я тоже, если честно, не понимаю. Я, когда сочинял, о другом думал. Но здесь тоже что-то есть.

Настоящий мужик. Я вам объясню, что я думаю. Дед с бабкой друг дружку боятся. Дед просто импотент, ну и бабка где-то такая же. Бабка тайком живет с

гориллой, это их слуга. Ну и так - не живет, а облегчается. Дед пустозвон, гориллу выгнать не может, но не от гориллы же бабке рожать. А потом появляется собака - это любовница деда. Она не терпит в доме гориллу, она хочет, чтобы дед все делал сам. Прежде всего - чтоб он в постели был мужчиной. Горилла сердится, но она его глушит. Да, а дед и бабушку начинает припахивать к любовным обязанностям, и позиции гориллы падают все ниже. Он устраивает спектакль, типа, злые вы, ухожу я от вас, и разыгрывает море благородства. Собака с ним ругается, она вообще по скандалам соскучилась в этом тихеньком доме. Ну и когда скандал доходит до предела, собака с гориллой заливаются властью, а дед пока возбуждается, глядя на собаку, а бабка подогревается гориллой, ну и в какой-то момент хватается ее дед - и в спальню. Там происходит чудо. А ребенок появляется не сразу, это в сказке сокращено. Но через девять месяцев появляется.

Автор. А собака куда девается?

Настоящий мужик. Ясно куда. Такие девицы на месте долго не сидят.

Автор. Теперь все понятно.

Настоящий мужик. А вы что думали?

Автор. Сейчас, пусть еще кто-нибудь растолкует, что к чему. Есть у кого-нибудь идеи?

Психолог-милашка. У меня есть... это не очень четко, но я попробую изобразить... Дед и бабка - это дети, а горилла - это взрослый. Вот, а эти дети воспринимают его только как машинку для исполнения желаний. И все хорошо, только им все время чего-то хочется еще другого, не только всех тех игрушек и шмоток, которые им приносит горилла, то есть родитель. Они не знают точно, чего они хотят, но вот чего-то эдакого, и они его все время просят, а он все время приносит не то. На самом деле им хочется что-то сделать самим, но об этом невозможно попросить. И вот они растут, и родитель их все хуже слышит, и все меньше желаний исполняет. Они злятся, просят у него одно, а получают другое. Потом они начинают уже кричать ему, и тут в какой-то момент понимают, что им нужны не гориллины подарки, а собственные дела. Ну а это и есть повзросление. Все.

Автор. Отлично. Спасибо.

* * *

Я думаю, что все дело в запрете на исполнение главных желаний. Мы ведем себя так, как будто в детстве подписали договор: не делать главного. В девяти комнатах тебя будут ждать еда, деньги и умеренная власть над обстоятельствами. Твоя комната - десятая, но в нее заходить нельзя. Хотя ключ в общей связке. И хочется именно туда. Но туда нельзя: таков договор.

Делай что угодно, только не главное.

Очень странная логика.

Я люблю траву, деревья, свежий воздух. Я живу в очень грязном городе, где на асфальт стали класть зеленые коврики. Я ненавижу эти коврики. Ключ в общей связке. Подлетев к Земле, я ни за что не выбрал бы то место, где - обитаю.

В этом что-то есть.

Вот один из вариантов объяснения (если не упереться во всеобщее желание добыть себе несчастье).

Я - волшебник из "Обыкновенного чуда", то есть, в общем, нормальный шарлатан. У меня растет сын, красивый и несовершеннолетний. Я хочу для него счастья. И вот я начинаю думать.

В какой-то момент он встретит свою принцессу. Она будет красива и глупа. Короче, они влюбятся, поцелуются и поженятся. Нетушки, стоп. Принцесса, самая чистая, принадлежит своему двору, а там как минимум король-марзматики и сволочь-

администратор. Она ничего не умеет делать. Где они станут жить? Если при ее дворе, то на свете станет одним хорошим парнем меньше. Он либо выучится врать и играть в дворцовые игры, либо уйдет отсюда - и от нее.

Хорошо, они могут жить в моем доме... Бр-р-р, я лучше сам буду спать на горохе. Но дело даже не в этом. В своем доме - что они станут делать? Они поссорятся и разойдутся. Мой милый лопух и сказочная принцесса - брошенные друг к другу, они друг друга погубят. Не потому, что некому будет постелить постель. Хотя поэтому тоже.

Ой-ой-ой, что же делать? Вот они встретятся, поце... Стоп! Ага. Они не должны получить это сразу. Нужна интерлюдия величиной в повзросление. Теперь я выдумываю сказку. Ты превратишься в медведя, мой мальчик, если она поцелует тебя. Так перед наградой появляется взнос, риск, навязанный комплекс неполноценности. Если эта принцесса через него не пробьется - уйдет эта, появится другая. Ага! Карты розданы, розыгрыш! Целоваться нельзя, мои милые! Скачите на конях, идите в услужение к старым дуракам, трепите нервы, закаляйтесь! Когда вы осмелитесь на поцелуй, вы уже будете способны друг на друга.

Все, кроме поцелуя. Всего одна задумка.

Гениальная психотерапия.

* * *

В этом есть тайный смысл, возможно, означающий: невроз послан нам в избавление. Он обостряет конфликты, спокойно раздиравшие нас годами. Это возможность роста, указание на выход.

* * *

Нет, я серьезно.

СОН ПРО МУЖИКОВ

Иду я как-то по лесу. А я там дрова рубил. Смотрю: стоит мужик, топором машет. "Эй, - кричу, - давай помогу!" "Ну, - говорю, - помоги, коль не шутишь". Взял я топор, рядом пристроился. А тут я мимо прохожу. Смотрю - два мужика дрова рубят. "Эй, - кричу, - болезные, что ж вы все топорами? Хотите, пилу притащу?" "Пилу, - я говорю, - это что ж, это дело, давай, тащи". Ну, побежал я в деревню, пилу искать. Вижу свет в одном окошке. А там как раз я сидел, чай пил. Я стучу в окно, спрашиваю: "У вас пила есть?" "Черта тебе, - думаю, - пила? Нет покоя на этом свете!" А мужик по окну колотит, кричит: "Есть пила?" "Да нету, - говорю, - чай есть, пилы нету". "Ах ты, - думаю, - зануда, чай он пьет!" Но нашел пилу, прибежал в лес, а там уж все перерубили. Я смотрю - этот чокнутый бежит, пилой размахивает. Махнул рукой и домой пошел. А я как раз дома чай пил. Вдруг стучат. Выхожу я с бутербродом и говорю: "Чего надо?" Я аж задохнулся от хамства: что за хмырь в моем доме? "Ты кто такой?" "А вам чего?" "В моем доме!" "В чужую квартиру!" Но я его все же пригласил войти. "Это в свою-то квартиру?" - я чуть не сдох. Вошел, говорю: "Ну, чаем угости". И думаю: сейчас гадости нальет, и говорю: "Возьми во-он из того ящика". "Ничего себе, - думаю, - уже и в ящики полазил!" "В моем доме!" "Черт знает кто!" "Да кто вы вообще такой?" "А вы что в моем доме делаете?"

А тут как раз я мимо проходил. Слышу: драка, мужики дерутся. Только полез разнимать...

Тут я и проснулся. Смотрю: мужики улепетывают.

* * *

Подсознание грубо и неотесано. Мало того: оно многолико. Шире, чем мы можем себе представить. Плюс беспринципно, как будто создано в расчете не на одну узколобую жизнь, а на десяток людей в разных обличьях. Разве это не ужас, что мы можем настроиться на ЛЮБУЮ музыку?

* * *

Эту сказку придумал мой брат, когда ему было около одиннадцати лет. Я записал. Вспомнил я о ней, когда стал думать о диссоциации - мощнейшей способности мозга покидать родное тело, смотреть на него сбоку и вообще жить в стороне. Потом использовал для снятия боли, где диссоциация - первый шаг.

* * *

По дороге домой: передняя пара.

Автор. То, что смещение внимания можно использовать для снятия боли - это мур. У меня часто появляется ощущение, что это смещение вообще является основой психотерапии. Во всяком случае, часто я ничем другим не могу объяснить наступление улучшения, кроме как тем, что просто фокус смещается с первоначальной проблемы на другую. Первоначальная при этом может тихо исчезнуть...

Настоящий мужик. А может и остаться?

Автор. А может и остаться, но меняется отношение к ней.

Настоящий мужик. "Теперь я этим горжусь"?

Автор. Именно. Нет, действительно, часто то, с чем к тебе пришли, исчезает начисто, причем неизвестно почему, будто бы только из-за того, что внимание перешло на другое. Но это другое - оно неостановимо, оно уходит вдаль. Решишь одно - появляется третье... И у меня возникает чувство, что я работаю каким-то Коньком-горбунком. Вот приходит ко мне человек, рассказывает о проблеме, а я: "Это службишка, не служба!", потом опять: "Это цветочки", а уж когда он доходит до чего-то настоящего, говорю: "Теперь ты сам". И дальше помогаю, конечно, но идет он сам, потому что он идет туда - не знаю куда и ищет то - не знаю что, и ответов на эти вопросы я уже сам не знаю, то есть знаю - для себя... И помогаю я в основном просто верой: это можно сделать, другие сделали, и ты можешь, иди, иди...

Настоящий мужик. И он доходит?

Автор. Да, обычно да. Или исчезает - на год, на два, на пять. Потому что это путешествие, которое нужно сделать. Не в этой жизни - так в следующей.

Настоящий мужик. Вы верите в следующие жизни?

Автор. Нет; но в этом смысле - да.

Дух Востока (витая вокруг). Нельзя остаться на обочине Пути.

* * *

Идут домой: вчетвером.

Розовая девушка. Знаете, мне так понравилось... Они втроем, или даже их четверо, и это так здорово... А я вот одна, одна. Иду осенью в лес собирать листья - ну сколько я соберу? десять или сто, все равно, очень мало. На каждом листе свой рисунок, а я одна, и я увижу их так мало, а рассмотрю несколько, а запомню один. И вот эти листья - они как-то все вместе, они одно и то же, а я...

Пофи. И тебе от этого грустно?

Розовая девушка. Грустно и жалко, и мне кажется, что я чего-то не замечаю... что я искусственно отрезаю себя... И мне поэтому нравится сказка: там меня несколько,

ну не меня, но все равно, и мы как-то вместе больше можем: один пилу тащит, другой бутерброды...

Пофи. Как говорит дедушка Фрейд, наше нынешнее чувство "я" - лишь съезжившийся остаток какого-то широкого, всеобъемлющего чувства.

Дух Востока(витая вокруг). Ничего себе съезжившийся остаток!

Психолог-милашка. Но ведь на самом деле мы одиноки. Я думаю, что большинство психологических проблем порождаются тем, что мы не хотим принять самых основных условий нашего существования - ну, как бы таких экзистенциальных постулатов. Их четыре. И первый - это то, что мы в конечном итоге одиноки. Никто не разделит наших последних тайн, и смерти в конце концов не разделит. Во-вторых, мы смертны. В-третьих, мы свободны. А это значит, мы ответственны за собственную жизнь. А в-четвертых, у нашей жизни нет единого доказуемого смысла. Кажется, все. И это просто нужно принять, как закон тяготения. А жалко - конечно, жалко. Хотя мне, например, не очень.

Розовая девушка. А я хочу летать.

Пофи. Кто не обломался, тому предстоит. (После паузы) Хотя я тоже хочу летать. И мне иногда кажется, что у меня получается. Эти законы - они хороши, но уж больно звучат по-школьному. Как-то слишком правильно. Правильно - значит просто, а просто - значит, можно придумать что-то другое. Мы и одиноки, и нет... Вообще эти ваши экзистенциальные законы - они где-то далеко живут, я тоже там бываю, но не очень часто. А часто я бываю совсем в других местах, и там совсем другие законы. (Пауза) Я бы не читала сказок, если бы их не было.

Строгая учительница. Да, сказки все время вмешиваются в реальность, как ты их не гонишь; уж вроде все вокруг тебя реально, сплошные кастрюли, сковородки, пеленки, конспекты, но вдруг раз - оказываешься в сказке. Почему?

Дух Востока (витая вокруг). Сказки-метастазки...

Пофи. Вот и выходит, что этих истин больше: и еще одна, наверное, это то, что мы нуждаемся в сказке.

Психолог-милашка. В иллюзии?

Пофи. Нет. В сказке, которая жива не потому, что напоминает реальность или как-то ей служит, а просто сама по себе. Как осенние листья.

Розовая девушка (улыбается). Спасибо тебе.

ЯЩЕР

1

Это был не дракон, а ящер. В образе человека, покрытый тяжелой зеленой чешуей. Странно сплюснутая голова - совсем как тыква - кверху сужалась как луковица, и на самом верху из нее высывались какие-то нити, как бубенцы на шляпе. Сам ящер говорил, что это зубцы врожденной короны, а люди шептались, что это антенны для связи с бесовской силой.

Ящер был жестоким правителем города Чань, где судьба человека была подобна судьбе мухи. Нищета и безразличие владели городом; каждый день на площади кого-то казнили. Ящер, блестя чешуей, как кольчугой, гулял по своим владениям и играл человеческими жизнями.

Каждый год ящер женился на новой девушке, устраивая для этого специальный праздник на той же городской площади.

2

Хитрый механик Ю Чень прибыл в город как раз накануне такого праздника. Двести дворников отмывали до блеска городскую площадь. В темном городе горело

лишь несколько окон; одно из них, конечно, принадлежало невесте. Ю Чень схватили и доставили к ящеру почти мгновенно. "Кто ты и откуда?" - облизнулось жестокое чудовище. "Я - механик Ю Чень, - объяснил пришелец. - Я поднимаю слабых и успокаиваю сильных". Ящеру понравился ответ, и он стал по обыкновению играть с тем, кого прочил себе на ужин. "Удиви меня своим искусством, мастер, и я подарю тебе бесценный подарок - твою собственную жизнь!"

"Хорошо", - сказал мастер и скинул мешок. Во мгновение ока он выстроил на полу макет города Чаня. "Ух ты! - заволновался ящер. - Но для меня самое главное - это люди!"

"Держи!" - крикнул мастер и бросил в город пригоршню солдатиков. Они быстро разбежались по улицам и подворотням. "Ой, кто это?" - удивился ящер. "Это твои новые подданные, - объяснил Ю Чень. - Попробуй поиграть с ними, и ты поймешь, что они лучше старых".

Ящер, никогда не игравший в солдатиков, опустил на пол и самозабвенно погрузился в игру. Она и вправду нравилась ему больше старой: солдатики были послушнее людей, и убивать их можно было без счета.

Утро застало ящера на полу, в пылу очередной баталии, и когда за ним явились свадебные генералы, он прогнал их, а затем приказал запереть все двери своего дворца.

3

С того дня жители города Чаня уже не видели ящера. Они долго не верили своей рухнувшей с неба свободе; но наконец собрали свои пожитки и покинули город своего детства. Самые смелые перед тем карабкались на стены дворца, чтобы через окно увидеть ящера, игравшего в солдатика. Давно исчез хитрый механик Ю Чень; давно обезлюдел город Чань. Но вот во дворец к ящеру явилась молодая девушка. Ящер, уставший от игр, открыл ей дверь; он улыбался. Пришедшая девушка была его последней невестой, но он не узнал ее.

" Я пришла отомстить тебе за оскорбление, - сказала девушка. - Ты променял нас - и меня! - на солдатиков". Она вытащила нож и ударила ящера в сердце.

Это было время линьки, когда чешуя была мягкой. Нож вошел будто в масло, и прежде бесчувственное сердце стало кровоточить. Девушка бросила нож и убежала.

4

Ящер пошел вслед за ней. Из приоткрытого сердца капала кровь, и там, где она попадала на землю, вырастали цветы и трава. Он долго шел, покинув родной город; кровь капал реже, но из многих капель вырос уже не один цветок, а целая поляна.

Так прошел он по земле, удивленный тем, что ему открылось. Наконец кровь перестала капать. Как в тумане, он принялся строить мост над глубокой пропастью, смутно думая, что взорвет его, как только на нем соберутся люди. Но вот он закончил мост, по мосту пошли пешеходы, а он сидел в стороне, безучастно на них глядя, а потом встал и ушел. Он вскоре одумался, и принялся копать колодец, чтобы отравить его. Но опять он потратил слишком много сил на подготовку; и когда колодец был готов, он так устал, что ушел и уснул, а потом уже не стал искать свое творение.

Слишком велика была охватившая его тоска; он должен был с кем-то поделиться. Он отправился в горный монастырь. "Что мне делать, на мне столько грехов и крови?" - спросил он у монаха. "Не вижу", - отвечал тот. "О, на мне много, много крови людей. Я весь в грехах". "Я не вижу, - повторил монах, - ни крови, ни грехов".

5

Ящер вышел. Вокруг был голод. Он почти обрадовался этому, потому что так он знал, что делать. Он стал рыскать по округе, отыскивая пищу и раздавая ее голодавшим животным. Но пищи с каждым днем становилось все меньше. Ящер бродил по округе, голодный и грязный; те, кому он не приносил пищи, боялись его и прятали детей.

Однажды он лег спать под деревом, не зная, день был или ночь. Он проснулся от того, что на него что-то упало. Как собака он бросился на этот предмет и сомкнул челюсти. Вдруг рот наполнился сладким соком. Это был плод раскинувшегося над ним дерева, и этот плод нес жизнь - ящер посмотрел вверх - ему и многим лесным обитателям.

Месяц ящер разносил плоды по норам и дуплам. Каждый день плоды появлялись заново. Дерево цвело без устали. Ящер носил и носил.

Через месяц голод кончился. Лес наполнился ягодами и грибами. Ящер подошел к любимому дереву, и последний плод упал к его ногам. Больше на дереве их не было; оно отдыхало. Ящер не знал, как отблагодарить прекрасное дерево. Он повязал вокруг ствола красную ленточку, принес и вылил под него ведро воды, но больше ничего не придумал.

6

Еще неделю он прожил в этом лесу, и когда лес оделся красками и перестал блестеть голодными глазами, он опять оказался один. Ничто ему не угрожало, он бродил по лесу вдоль и поперек, и от нечего делать научился слушать. Тогда он понял, что шептали ему цветы, когда он просыпался на поляне или под деревом. "Вернись!" "Вернись домой, ящер!" "Где тепло и дом, где все тебя ждут - вернись, любимый!" Теперь он слышал это со всех сторон, он тряс головой, но звуки наполняли воздух вокруг и сердце.

Он пошел к своему любимому дереву - просто так, там он чувствовал себя спокойно - и спросил: "Они все просят меня вернуться. Скажи мне, куда?" И дерево прошелестело: "Глупенький, ведь дом стоит над домом. Выбери один и ступай". И еще оно добавило: "Прости меня, но сними, пожалуйста, свою ленточку. Она мешает мне расти". Ящер присмотрелся: быстро потолстевшая кора была уже шире ленточки, и та врезалась в затекшую древесную кожу. Со стыдом он сорвал свой подарок, поцеловал след на коре и опять ушел. Он навсегда ушел из тех мест, где его окольцевала юность.

А куда он ушел?

7

Он ушел домой. Он спокойно прошел по месту, где когда-то правил: города не было. Все искусственное распалось. Он стал единым комочком жизни; мир признал его за своего.

- Кто ты?

- Ящер.

- Где ты живешь?

- Здесь.

Маленькая калитка; львенок, играющий у дверей дома. Прощай, хитрый механик Ю Чень. Прощай, бывшая невеста. Кормящее дерево, нежная трава - прощайте!

Остаются трава, дерево, ящер.

Маленькая теоретическая главка N10 СКАЗКИ ПРО СЕБЯ

Когда мы работаем с ребенком, мы знаем *или делаем вид, что знаем* куда мы хотим его привести. Простой пример *боязнь темноты: нам известно начальное состояние - страх* и конечное *страха нет; таинственен лишь путь перехода. В случае себя самих картина обычно другая. Большинство сказок, которые сочиняют про себя взрослые люди, имеют начало и середину, но не имеют конца.

Это значимое различие.

Давайте посмотрим, что придумывают те самые взрослые, когда их просят рассказать сказку про себя.

"Жил да был маленький паровозик. Его сделали, чтобы он приносил пользу людям. Паровозик это знал, и очень гордился собой, когда возил вагоны из одного пункта в другой. Но когда он прибывал на станцию назначения, люди занимались вагонами, а его отводили на запасной путь, где он оставался в одиночестве иногда по многу дней. От этого паровозику становилось грустно. Однажды он взял отпуск и решил покататься по свету. Но скоро он обнаружил, что может ездить только по тем же рельсам, где он ездил всегда. И вот он едет, едет..."

"Одна маленькая девочка умела говорить на языке листьев, трав, птиц и зверей. Она только не умела говорить на языке звезд, а именно со звездами ей хотелось общаться больше всего. Она росла, но почему-то звезды становились все дальше от нее, хотя она тянулась к ним изо всех сил. А с листьями разговаривать было уже не так интересно."

"В маленьком озере жил крокодил, очень красивый, приятный такой... Очень он там хорошо жил, кушал вкусно, на прогулки ходил, к знакомым в гости... Так продолжалось много лет. А потом пруд высох - и крокодил исчез. Никто не знает, куда он делся..."

Каждая из таких сказок содержит очень много информации об ее авторе. Давайте приведем пример, как можно проанализировать такую сказку, то есть перевести эту информацию на язык психологического устройства личности *ценностей, убеждений человека, его стратегий действия, и в конечном итоге жизненной программы, сценария (об этом сказка часто говорит в первую очередь). Заметим, что такая работа вовсе не направлена на излюбленное в психотерапии изменение, вмешательство, интервенцию. Просто два человека - автор и помощник - или, как мы привыкаем играть, клиент и терапевт - аккуратно обсуждают друг с другом, какие возможные объяснения могут иметь те или иные сказочные ходы и персонажи. Присутствие помощника *терапевта* полезно не столько потому, что он что-то такое специальное знает, но просто потому, что он другой, и соответственно может замечать скрытые пресуппозиции (неявные убеждения, принципы и т.п.), которые самому человеку кажутся самоочевидными ("А как может быть иначе?"). Критерием правильности анализа служит мнение самого человека. Терапевт лишь предлагает, обсуждает, рассказывает о возможных вариантах.

Думая о том, какой пример анализа сказки был бы самым ярким, я копался в записях, воспоминаниях; все реальные сеансы, самые яркие для участников, на бумаге бледнеют и съеживаются. В конце концов я решил провести такой сеанс с самим собой. Многие из сказок этой книги безусловно являются сказками про меня. В качестве терапевта я выбрал дедушку Фрейда. Ну и пусть он говорил моими словами. Пусть это был совсем не тот дедушка Фрейд, * не их дедушка, а мой!

* * *

Дедушка Фрейд. Какую сказку вы хотите выбрать?

Автор. Конечно, можно какую-нибудь старую, с которой уже более-менее все понятно, и говорить не страшно. Но мне было бы интереснее взять новую. Если честно, я уже выбрал. Это сказка про ящера. В ней есть вещи... которые я не совсем понимаю. И к тому же меня тревожит ее конец.

Дедушка Фрейд. Расскажите ее.

(Автор рассказывает сказку очень близко к тексту, только в конце мнется. Завитушки сглатывает. Короче, концовка выглядит так: "Он пришел домой. Там больше не было ни... На самом деле, я не знаю, как это выразить. Там остались очень простые вещи. Вот и все".)

Дедушка Фрейд. Вы идентифицируете себя с главным героем?

Автор. Да, конечно.

Дедушка Фрейд. И основные события в сказке соответствуют событиям в вашей жизни?

Автор. А вот и нет. Я никогда не был правителем города... вроде бы... но, с другой стороны, да, под многими событиями прячутся вполне реальные.

Дедушка Фрейд. Хорошо, давайте поговорим про ящера. Какой он?

Автор. Он сильный... Он... Ну я не знаю... Он похож на человека, но еще он похож на животное.

Дедушка Фрейд. Его антенны представляют собой какой-нибудь символ?

Автор. Антенны... Ну, это некое отличие, знак; в сущности, это знак какого-то таланта, он сам не знает, какого, но он гордится этим отличием. Он сам думает, что это знак вообще таланта к жизни.

Дедушка Фрейд. А талант является безусловной ценностью в жизни. Ведь быть талантливым - это важно?

Автор. О да.

Дедушка Фрейд. Быть талантливым - это быть непохожим на других?

Автор. Ап, схвачено. Да, быть талантливым - это быть непохожим на других. Факт. И если вы меня хотите спросить, важно ли быть непохожим на других, я скажу - да, очень важно.

Дедушка Фрейд. В сказке вообще мало других. Те, с кем ящер большую часть времени контактирует, даже не имеют имен. Жители города - это некая серая масса; те животные, которых он кормил в лесу - опять непонятно кто. А те, кто имеют имена и кто важен в его судьбе, появляются буквально на мгновения.

Автор. Так и есть.

Дедушка Фрейд. Так происходит в жизни?

Автор. Я думаю, что да. Настоящие встречи происходят быстро.

Дедушка Фрейд. И эти люди быстро исчезают?

Автор. Ну как бы получается, что да.

Дедушка Фрейд. Так устроен мир?

Автор. "Каждый год ящер женился на новой девушке"... Скорее так устроен ящер.

Дедушка Фрейд. Все время нужно что-то новое?

Автор. Обязательно.

Дедушка Фрейд. Хорошо. Значит, вначале ящер был устроен для того, чтобы делать зло - так?

Автор. М-м-м... Мне было бы странно ответить да. Я так не думаю. Он как бы был игроком, а люди зазвали его в свою игру. Он был наивным, и подумал: ну почему бы не побыть правителем; кто ж знал, что это за игры во власть. А уже когда он оказался во дворце... Он далеко не сразу заметил. А потом - жители города ведь были слабаками, им нужен был правитель.

Дедушка Фрейд. То есть бедный мальчик не виноват?

Автор. Ой, блин. Ну да, это смешно. Да, бедный мальчик не виноват. Его заманили и обманули.

Дедушка Фрейд. Так что потом на нем не осталось ни грехов, ни крови?

Автор. Я думаю, их вообще не остается. Мы их придумываем гораздо больше. Если бы монах не разубедил его, он бы мог провести много лет в осознании своих ужасных грехов и ничего не сделать, придавив себя этой мурой. Такие вещи просто отмываются. Сейчас... Вот как бы побыл хищником, покушал других, значит, пришла пора побыть автотрофом, деревом, тем, кто производит и отдает.

Дедушка Фрейд. Дерево - это идеал?

Автор. Причем недостижимый. Тут все довольно хитро устроено: ведь к недостижимому идеалу и не стремишься. Вообще очень удобно поместить свой идеал там, где ты никогда не будешь. Это освобождает от ответственности за то, что ты его до сих пор не достиг, и, в общем-то, туда и не движешься. Нет, мне кажется, дерево - это все-таки бывший идеал. Ящер хотел стать как дерево, но потом он как бы отбыл этот период... побыл деревом - хватит. Потом он понял, что надо вернуться домой. Ящер есть ящер, он не дерево, и быть им не может. Дерево осталось идеалом в том смысле, что оно - дома. Но ящер знает, что ему нужен свой дом.

Дедушка Фрейд. Причем "дом стоит над домом" - то есть их много? То есть ящер не знает, какой именно этот дом, где он и так далее?

Автор. Он только подозревает, что в этом доме многое попроще, чем вся та путаница, которую он накрутил за жизнь.

Дедушка Фрейд. А простота лучше сложности?

Автор. Пока сложность была лучше простоты.

Дедушка Фрейд. И раз все искусственное распадается, то в этом доме он больше животное, чем человек?

Автор. Ого, вот это вы здорово подметили. Возможно. Смотрите: не было ничего особенно плохого в том, что он делал в своем городе. Но это было игрой, раз эти отношения можно было заменить солдатиками. То, что можно подменить таким образом - ненастоящее и может спокойно идти к чертовой матери.

Дедушка Фрейд. Может спокойно жить и без участия такого талантливого человека...

Автор. Опять ваша правда. Да, в таких играх участвовать можно, но не очень интересно.

Дедушка Фрейд. А жизнь должна быть интересной.

Автор. Да.

Дедушка Фрейд. Интерес - это главная ценность?

Автор. А это очень плохо, если да? Это единственное, на что можно менять свободу. Знаете, мне кажется, мы очень растянули этот диалог. Он ведь нужен был для иллюстрации подхода, как анализировать скрытые пресуппозиции, ну и мы, в общем, вполне... Если можно, давайте прервем запись.

Дедушка Фрейд. Вам интересно было бы просуммировать то, к чему мы пришли?

Автор. Да, отлично, что вы вспомнили.

Дедушка Фрейд. Итак, ваш главный герой, или, проще говоря, вы - это существо, отличающееся от других. Вам важно быть непохожим на остальных. Остальные большей частью представляют собой серую, довольно неинтересную массу, но иногда встречаются очень важные и интересные люди. Эти люди быстро исчезают. Вы не виноваты в этом. Другие стараются затянуть вас в свои игры, но вам хочется все меньше в них участвовать, потому что они слишком обыкновенные.

Автор. И предсказуемые.

Дедушка Фрейд. Кормить других - это лучше, чем когда кормят вас; но в основе все равно вас кто-то кормит, и возместить это невозможно. Можно лишь передавать это другим, слабейшим. Те, кто кормят, живут на своих местах, и вам хочется стать похожим на них, хотя и это вы считаете лишь стадией, которую, вероятно, пройдете. Это может стать, собственно, следующей стадией.

Автор. Да, мне сейчас кажется, что это и есть продолжение.

Дедушка Фрейд. Эту стадию отличает определенная простота, естественность отношений, возможно, пониженная эмоциональность...

Автор. Почему?

Дедушка Фрейд. Уходят эпитеты, остаются простые существительные.

* * *

В этом коротком анализе нет многих вещей, на которые стоит обращать внимание. Здесь нет сценарного анализа, почти нет расширения пространственной и временной рамок ("А что было раньше? позже? справа? слева?" и так далее). Но видно, что даже короткая беседа позволяет войти в область ценностей и убеждений человека, почти сразу выявляя вещи, достаточно неожиданные для него самого. Это скорее перевод или разведка, чем терапия, однако очень часто один только подобный анализ запускает достаточно значимую цепь изменений.

ТАЛАНТ

Ходил по дорогам парень, отдавал свой талант.

- Слышь, дед, возьми мой талант.

- Зачем он мне нужен - свой некуда девать.

- Слышь, принц, возьми мой талант.

Получил плетью.

- Красавица, возьми мой талант.

- Заходи.

Зашел, так и жить остался. Талант-то девка в сундук заперла, к своему поближе. Парень ниче, работает. Через год родился у них сын, потом дочь обосновалась. Как выросли - никто не заметил. Вот исполнилось сыну семнадцать лет, стал он в путь собираться. Наготовила ему мать суму еды и браги, а как ночью все легли спать, отец прокрался и в тот сыновний мешок тихонько талант засунул.

Утром распрощались, сын уехал.

Сладко вольной птице петь, да не долго. Едет сын сквозь дремучие леса, широкие степи, кристалльные горы. Любо-дорого смотреть на молодца. А у него самого мешок все тяжелее делается. Растет талант на свободном воздухе.

Устал он не в меру, загрустил, слез с коня в поле. "Дай, - думает, - посмотрю, что в мешке поселилось". Открывает - а там талантище!

Здоровущий, аж из мешка прет. Парень быстро смекнул, что к чему. Прямо там, где был, не сходя с дороги, выстроил корчму, кузницу, магазин.

Талант все покроет!

Дела его пошли успешно. Завел семью, выросли дети. Когда старшему сыну исполнилось семнадцать, от таланта оставался уже маленький кусочек. Отец и сам от него устал, и когда сын в дорогу собрался, отдал ему весь талант, сколько ни было. "В твоих годах у меня самого еще и меньше было".

Вот выехал парень на вольные просторы. Талант свое дело знает; вот уже лошадь под мешком приседать стала. "Ух, - думает сын, - что ж это мне родители туда наложили?" Открыл мешок - а там талант, размером с теленка. "О господи, - подумал

сын, - мне ведь так много и не надо. Что ж мне с ним делать?" Оглянулся вокруг: трава, кусты жухлые. Лето, жара. Он взял и недолго думая порастряс талант над лугом. Пролился тот на зелень дождем, вся поляна распустилась цветами. "И ладно", - решил молодец. Вскочил на коня - теперь легко! - да и поехал дальше.

Так и стал он ездить по белу свету, талант нарастал, а он его раскидывал. От таланта всегда оставалась малая толика. Много лет прошло или мало, да только и у него подрос сын. Ясное дело, в семнадцатилетие досталась ему та толика вместе с мешком да с запасом провизии. Вот и он выехал на вольную ширь. Едет, едет, талант растет. Вот уже целый мешок им наполнился. "Уж я его не растрочу как отец", - думает сын. Глянул вокруг: ничего нет, трава, кусты. Жаворонки поют. Течет река. Хочется сыну найти что-то поважнее. Он прислонил мешок у дороги, а сам - к реке. "Что у тебя, река, под водою?" Река журчит: ничего нет, песок да камни, дно. Он - к траве, стал перед ней на колени: "Скажи, трава, что больше тебя, что дальше тебя, что важнее?" Трава мягко вяжет свои слова: нет ничего. Он побежал к дереву... А пока бегал, талант его с дороги и украли. На том и сказка кончилась.

С той поры гуляет талант по свету. К тебе попадет - ой, к тебе попадет! - что будешь делать?

Маленькая теоретическая глава 11

СКАЗКИ ПРО СЕБЯ: ПРОДОЛЖЕНИЕ

Зачем продолжать свои сказки? Они продолжают сами. В сущности, это жизнь продолжается сама собою, а сказки представляют собой наши попытки понять движущие силы, повлиять на происходящее и заглянуть хоть чуть-чуть дальше. Что, кстати говоря, нетрудно. Жизни у нас с вами, дорогие товарищи, мягко говоря, предсказуемые. Что уж такого мы можем отчебучить? И если более-менее знать продолжение, можно хотя бы спокойно через все это проходить, как говорит Братец Вайнер, получая удовольствие по ходу дела. А отдельные энтузиасты, те, кто верят в сказку про самостоятельность, поняв ход своей судьбы, могут захотеть изменить его или, испив чашу сию до дна, начать что-нибудь новенькое.

Как мы говорили в прошлой главе, сказки про себя обычно незакончены. Тем не менее часто концовка почти что есть, она естественно напрашивается, нет только духу ее принять. Часто есть сильное желание продолжить свою сказку, но непонятно, как. Присутствие другого человека может многое дать, как и в случае анализа - просто то, что он есть, что кто-то рядом, что он другой, что помогает сопоставить беспорядочно мечущиеся мысли. Этот самый другой, играющий роль терапевта, может только то и делать, что, подобно Доктору сказок, спрашивать: "А что дальше?" И если клиент позволяет своей фантазии и внутренней логике сказки свободно развиваться, уже самые первые "дальше" часто радикально меняют картину. Это мы уже проходили.

Достаточно часто, конечно, человек ничего такого на это "что дальше?" не скажет. Туман, тупик, беспросветица. Да знай он, что дальше - не нужно было этим заниматься. Резон.

Дальше можно сделать многое. Один из самых простых вариантов - попросить человека рассказать другую сказку про то же самое. Здорово, если при этом он сможет спуститься на более глубокий символический уровень, то есть будет рассказывать сказку, менее похожую на жизнь. Но эта новая сказка - она будет и такая, и не такая. Может быть, в ней отыщутся новые ресурсы и решения, может быть, найдется "что дальше", может быть, проявится более важная тема... Но даже если ничего такого не будет - что-то всегда можно сделать.

* * *

- Расскажи свою сказку.

- Жил один такой крот, который боялся всех других зверей, жил в своей маленькой темной норе... и был совершенно одинок. Днем он боялся и прятался, ночью немного выходил на добычу пищи. Иногда ему нравилось смотреть на луну, но обычно он быстро пугался, и опять прятался в свою нору... Вот, все.

- Можешь продолжить эту сказку?

- Нет, я уже пробовал, но с ним ничего не происходит. Его никак из норы не выведешь.

- Понятно. Хорошо, давай ты попробуешь рассказать другую сказку про себя, с каким-то другим героем.

- Ну... Жил-был сверчок. Он жил за печкой, в темном углу... У него не было друзей... Он пел красиво... Ну, я не знаю, что еще... Это все.

- Хорошо. А теперь давай ты сочинишь еще одну сказку - другой герой, та же тема.

- Жил-был... М-м-м... Жил-был паровозик. Вполне такой работающий паровоз, но он не очень был нагружен работой, а все больше стоял в депо. Был довольно гордый, ни с кем особенно не дружил, да и не с кем там было в депо... Жил там, жил... Свистел громко.

- На луну?

- Нет, просто так, когда один в депо оставался.
- Отлично. А теперь давай соединим эти три сказки в одну. Они ведь очень похожи. Попробуешь?
- Давайте. Однажды крот, паровозик и сверчок оказались вместе на необитаемом острове. Трудно сказать, почему они там оказались. Ну, они решили отправиться в путешествие, и вот попали на остров. Там они долго жили... (Долгая пауза).
- Ага...
- Они построили себе каждый по домику. На острове. Они хотели уехать оттуда, но не знали, как это сделать. Паровозик пробовал построить корабль... Но у него ничего не вышло.
- Остальные ему помогали?
- Не очень. Сверчку там вообще нравилось, он песни пел. Но потом пошли дожди и стало холодно. И вообще им надоело. Они решили все-таки выбраться с этого необитаемого острова. Они установили дежурства, чтобы не пропустить какой-нибудь корабль. И однажды они заметили корабль, запалили огромный костер, их заметили и взяли на борт. Так они уплыли с этого острова...
- И поплыли по домам?
- Нет, они... им понравилось путешествовать вместе, и они отправились дальше... (Улыбается). Хм-м-м...
- Знаешь, я тоже хочу рассказать тебе быстро одну сказку. Однажды клевер, одуванчик и ромашка, каждый как-то по-своему, узнали, что есть такая замечательная вещь, которая называется травой, и решили отправиться ее искать. По дороге они встретились, и когда узнали, что ищут одно и то же, решили двигаться вместе. Они долго путешествовали и бродили, везде искали траву, но нигде не смогли ее найти. Так и не нашли. Осели где-то, домой стыдно было возвращаться. Так и живут...
- Я понял, понял!.. (Смеется).

CANZONA THERAPEUTICA

Примерно в те времена, когда ангелы и черти служили в общем братстве, произошла такая история. Увидел Господь бедного горюющего юношу, который целыми днями лишь плакал и молился. Посмотрел он на него раз - плачет, взглянул второй - плачет, в третий раз - рыдает, сердечный. Нахмурился Господь и приказал двум небесным служителям спуститься и помочь бедняге. Отправились двое, один был ангелом, другой - чертом.

Спустились они на землю, да неудачно: до дома бедного юноши им оставалось не меньше мили. Пошли по дороге: ангел ступает важно, чтобы не запачкать белых одежд, а черт балуется. С чьего-то огорода стащил луковицу, наломал тростника. Подошли они к дому, ангел и говорит: "Ты, черт, подожди меня здесь, не то еще напугаешь невинного".

Черт остался, ангел вошел в горницу. Встретил его юноша горючими слезами. "Что ты плачешь?" - спросил добрый ангел. "Как же мне не плакать, - ответил юноша, - когда на обед у меня ни мяса, ни супа, одна черствая горбушка". "Это легко исправить" - сказал ангел. Хлопнул в ладоши, и на столе появились самые изысканные блюда.

Юноша стал плакать горше прежнего. "Ах, бедный я, бедный, - причитал он, - нет у меня ни брата, ни свата, чтобы со мной обед разделить!" "И эта беда - не беда", - сказал ангел. Хлопнул он два раза в ладоши, появились на пороге люди. Они стали подходить к юноше, обнимать, целовать и за стол садиться. "Вот добрая твоя семья", - сказал ангел. Смотрит - а юноша рыдает, аж заходится. "Ах, кода бы я сам был достоин сих яств и людей! Поломанная моя жизнь!"

Ангел нахмурился. "Жизнь твоя - зреющий цветок, - сказал он. - И никто не ломал его, смотри!" - он трижды хлопнул, и юноша увидел, как его жизнь распускается цветком в саду господнем.

"Может, и так, - молвил плачущий юноша, - но не дано ни мне, ни тебе познать глубину моей печали. Иди, добрый человек, спасибо, что пытался помочь мне. Прощай и заberi свои подарки". Сказав это, юноша сел у стола и зарыдал пуще прежнего.

Ангел, опечаленный, вышел на улицу. "Пойдем, - сказал он черту, - видно, есть границы и у добродетели". "Э-э-э, нет, - сказал черт, - теперь чур я попробую". "Куда тебе, - возмутился ангел, - кого ты своим грязным видом можешь успокоить? Ну-ка, иди за мной!"

Но черт, не слушая его, забежал за дом и вскарабкался на подоконник. Юноша по-прежнему плакал, склонившись над столом. "Слабо плачешь, - сказал, понаблюдав, черт, - Это не плач, а колыбельная, меня от нее в сон клонит. Сейчас тебе, пацан, подкрепление придет!" Он вытащил из кармана луковицу, разрезал и сунул половинку парню под нос. Потом пошарил по полкам (и краюху хлеба у бедняка стянул!), нашел уксус и прыснул его юноше в лицо.

"Добрый человек! - закричал юноша, отчаянно стирая брызнувшие слезы с лица. - Что вы делаете? Мне не нужны все эти ваши... подкрепления! Мне не нужна ваша помощь! Оставьте меня в покое!"

"В полном покое?" - уточнил черт.

"Да, в полном, в полном покое, чтобы мог я остаться один со своим горем!"

"С радостью, - сказал черт, - а ты говорил, помощь не нужна". С этими словами он хлопнул два раза в ладоши, и оказался вдруг с юношей в чистом небе. Ни ярко там было, ни темно; не слышно там было ничего и не видно.

"Вот теперь полный покой, - удовлетворенно сказал черт. - Сиди теперь, отдыхай. Плакать-то здесь привольней!"

Но юноша уже не плакал, он гневно смотрел на черта. "Кем бы ни был ты, таинственный пришелец, - воскликнул он, - знай, твоя помощь неуместна!"

"Да ты расслабься, - сказал черт, - и поплачь. Ты так это сладко делаешь. Даже , - и он зевнул, - спать хочется. Вперед, малыш, пробуй силы на чистом воздухе". И черт приготовился слушать.

"Злые люди, - сказал юноша, - что ж вы со мной делаете?" Его губы затряслись, а в глазах показались слезы. Такие как ты и сломали цветок моей жизни".

"А-а, цветок, - протянул черт. - А что, это идея". Откуда-то вдруг он выхватил цветок и стал рассматривать его. "Нет, знаешь, - сказал черт, - пока он не сломан. Но это всегда легко сделать". И он стал крутить стебель и листья - да так, что у юноши искры из глаз посыпались.

"Вот теперь это похоже, - приговаривал черт, - на истинные страдания. Значит, сломанный, говоришь, цветок? Так это он еще не сломан, погоди, парень..."

"Эй, - завопил бедняк, - что ты делаешь? Перестань немедленно! Отдай! Отдай мне мой цветок!"

"У-тю-тю, вот уж нет! - засмеялся черт. - Лучше пойду, скормлю его корове!" И он помчался по воздуху куда-то вдаль, а за ним бросился с горящими глазами юноша, и разорванная одежда развевалась на его тощей груди.

Знаете, сколько они бежали? Бедный юноша не видел ничего, кроме цветка в чертовых руках, а черт выбирал путь похитрее, и то они бежали по пустыне, одетые как купец и паломник, то по невиданному базару, и были тогда точь в точь вор и полицейский. Ух! И до деревни наконец добежали. Там юноша изловчился, прыгнул на похитителя и вырвал у него цветок. Черт повернулся и выпустил когти. "Не подходи, - закричал юноша, - изыди, нечистая сила!" Он вбежал в свой дом, поставил цветок на подоконник - ах, каким чудесным светом озарилась комната! Бедняк подошел к окну,

распахнул его и откинул глупые пыльные занавески. Взял ведро, наполнил его водой - и окатил пол своей лачуги. Посрывал со стен тряпки, собрал свои платки - и в помойку!

Черт подошел к ангелу, одиноко стоящему возле дома. Из окна мимо него то пролетала какая-то утварь, то клубами вырывалась пыль. "Пойдем, дружище, - сказал черт. - Мы ему больше не нужны".

И вот за эту-то маленькую комедию, говорят, чертей и выгнали из небесного воинства. Это, конечно, странно. Но сами черти не удивились. Всеми свое место, решили они, ангелам - молиться, нам - играть и чудесить. А тот ангел, что с чертом на спасение юноши ходил, подарил все-таки своему напарнику лавровый венок и сказал при этом: "Всяк путь ведет к Господу". "Я тоже так думаю, - согласился черт. - У всякого уroda своя метода".

Маленькая теоретическая глава 12 В ПРОТИВОПОЛОЖНУЮ СТОРОНУ

Универсальным принципом построения сказки - особенно личностно-ориентированной...

Вдруг заваливает вся толпа.

Критик. Слушай, мы к тебе раньше в теоретические главы не мешались. Но появился такой слух, что ты заканчиваешь книгу.

Автор. Правда.

Критик. Очень интересно. То есть ты так по-ящерски всех нас кинешь, захлопнешь и забудешь... Прекрасно. А у нас, между прочим, всякие вопросы накопились.

Автор. Так, понимаю, садитесь. Все, пожалуйста. Давайте вопросы. Времени мало, но авось да успею на что-нибудь ответить.

Критик. Мой самый главный вопрос - что делать человеку, чья сказка не может продолжиться хоть убей, хоть ей кол на голове теши, у которого в башке пустота, а продолжать, тем не менее, хочется?

Автор. Хорошо, давайте мы сразу все вопросы проскладируем. Что еще?

Строгая учительница. А у меня вопрос, что делать сказочному герою после счастливого конца, когда путешествие благополучно завершилось, свадьба отыграла, а впереди у него еще сорок лет?

Настоящий мужик. Мне хочется знать, что делать человеку без сказки, которому все сказки одинаково скучны, который ни с одной из них себя не ассоциирует, и вообще...

Розовая девушка. Мне тоже хочется оттянуть окончание книги, но я пока не придумала вопроса.

Едкая девушка. Как выбраться из своей сказки? Что делать, когда чувствуешь, что твоя жизнь не облегает тебя плотно, а болтается, как что-то чужое? Когда ты ей не принадлежишь?

Пауза.

Автор (остальным). У вас нет вопросов?

Дух Востока. Разве что про хлопок одной ладони...

Дедушка Фрейд. Сказки, как вы понимаете их, относятся, по вашему мнению, больше к области Я или Оно?

Маленький мальчик. А если Я на Оно влезет - кто кого соберет?

Все смеются.

Автор. Хорошо. На самом деле мне кажется, что я знаю, в какой области лежит множество ответов на ваши вопросы. И хотя они разные для каждого из вас, область вполне можно определить единым словом. Но я, конечно, не собираюсь так легко выдавать вам секрет. Давайте я поставлю вам фрагмент одной записи.

* * *

Голос Автора. Пожалуйста, повторите вашу сказку еще раз.

Женский голос. Одна маленькая девочка умела говорить на языке листьев, трав, птиц и зверей. Она только не умела говорить на языке звезд, а именно со звездами ей хотелось общаться больше всего. И вот все детство она разговаривала со всем, что ее окружало, но ей этого было мало. Она росла, но почему-то звезды становились все дальше от нее, хотя она тянулась к ним изо всех сил. А с листьями разговаривать стало уже не так интересно.

- И вы не можете продолжить эту сказку?

- Никак, хотя я пыталась уже несколько раз.

- Помните, мы говорили о сказочных решениях, о разных стратегиях построения действий?

- Да, конечно.

- В вашей сказке не так уж много решений, но стратегии есть наверняка.

Одна, как мне кажется, - это одиночество героини. Она все делает сама, ей никто даже не помогает.

- Так и есть.

- Попробуйте, что будет, если вы попытаете ввести в сказку принцип ровно противоположный.

- Как это?

- Ну если мы возьмем принцип "Я сам", то давайте попробуем ввести принцип "Для кого-то" или "Вместе с кем-то".

- Мне трудно.

- Конечно. Это как минимум непривычно. Но ведь сказка от этого не развалится, ну не приживется в ней другой персонаж - исчезнет, и все.

Попробуйте.

- Хорошо. Жила-была девочка, и у нее был друг...

(Долгая пауза).

- Нет, вы знаете, мне трудно...

- Хорошо, какой друг мог быть у этой девочки?

- Знаете, у меня перед глазами стоит земляной червяк...

- Отлично, значит, у этой девочки был друг червяк.

- Хорошо, он жил недалеко, и он тоже знал язык листьев, они много общались друг с дружкой...

- А что произошло потом?

- Девочка все равно очень хотела стать ближе к звездам.

- И что она сделала?

- Она стала пытаться поговорить со звездами... Но они ее не слушали, они были слишком высоко, к тому же девочка не понимала их язык.

- И тогда...

- Ну хорошо, пусть девочка отправилась в путешествие к звездам.

- Как?

- На ракете. Ее помог построить червяк, и они полетели вместе. Они летели очень долго...

- И...

- И червяку стало жарко и сухо возле звезд. Они подлетели довольно близко, и девочка старалась поговорить со звездами, но они все равно ее не слушали... А червяку становилось все хуже и хуже... Ему нужна была земля и влага.

(Долгая пауза).

- Что же сделала девочка?

- Она стала просить звезд о помощи. И одна звезда протянула ей руку, и в ней было немного сырой земли. Этого хватило червяку, чтобы не задохнуться... Но ему все равно было плохо. И звезды были рядом, но девочке уже не хотелось к ним приставать. Она повернула ракету к земле.

- Честно?

- (Плачет). Я... не знаю, почему... И вот когда она вернулась... Нет, я не могу дальше...

- Но теперь эта сказка продолжится.

- Да... Мне только нужно время...

- Конечно.

* * *

Автор. Правда, великолепные образы? Ведь это же чистое описание той самой индивидуации Юнга. Червяк - житель земли, подсознания; и звезды...Но дело не в этом...Смотрите, что мы сделали, чтобы сдвинуться с места?

Настоящий мужик. Вы взяли решение, противоположное тому, которое было привычным для нее, и это решение сразу изменило сказку. Автор. Да. Почти всем способам решений можно подобрать пару, противоположность. "Мгновенно" - "постепенно", "награда" - "плата", "для других" - "для себя" и так далее, и так далее. И вот что говорит одна маленькая теория: именно противоположность способна максимально нас усилить, расширить, подтолкнуть. Очень четко, всегда можно найти привычные стратегии и попробовать непривычные. Кстати, они же, как правило, - неприятные.

Строгая учительница. Через "не хочу"?

Автор. В очень значительной мере да. Хотя и одновременно реализуя вечное подспудное стремление к своему негативу. В этом смысле самые неприятные для нас люди - это те, кто могут нам больше всех дать и научить. И самые неприятные принципы, и самые не свои сказки.

Психолог-милашка. Вот это да... Это надо переварить.

Автор. Так, братцы, быстро - я рассказываю модель идеального человека. Берем два листика, пишем на одном "доброта", на другом "жестокость". Пара противоположностей. Кладем их на пол. Обследуем линию между ними, чувствуем, каково ходить по ней. Находим то место, где мы находимся обычно. Находим то, где мы хотели бы быть. И обязательно обращаем внимание, куда мы зайти буквально не можем.

А теперь берем много таких пар: "ум" - "глупость", "творчество" - "автоматизм" и т.д. Их можно собрать в единый круг, где они станут диаметрами. И в этом кругу явно есть области, где мы вообще не появляемся, куда нам вход воспрещен. А вот идеальный человек - он ходит по такому кругу где хочет. Для него каждая область открыта и он может выбирать - когда быть злым, когда добрым, когда ... И так далее. А ключ к этому - ну что вам объяснять? ну пусть кто-нибудь скажет.

Психолог-милашка. Ходить туда, куда мы раньше не забредали.

Автор. А найти такие места очень просто. Они в аккурат в противоположной стороне от тех, где мы все поле истоптали. Все, ребята, милые, мы заканчиваем. У меня последняя сказка.

Критик. А у нас, между прочим, еще не все... Ну ладно, мы уж после твоей сказки.

Автор. Это уже будет послесловие.

Критик. Ничего, удержишься. Это же раз в жизни, и это, между прочим, сюрприз - тебе же.

Автор. Да? Ой... Ну, хорошо, ребята, все, я уже сам не рад, что эта сказка осталась, она почти и не сказка совсем, но - слушайте.

БЛУДНЫЙ СЫН

Вернуться в детство, сказать тому - вихрастому? нет? - мальчишке: "Ну, мальш, успокойся". Блудный сын сидит в грязной харчевне, из собственного жестяного чайника себе подливает. Минуту назад к нему подбежал сын шинкаря и спросил на ломаном кастильском:

"Дядя, есть закурить?"

А он взял трубку, высыпал табак под лавку и трубку сунул в карман; а потом сказал голосом, смачным от перегара:

"Не надо курить. Никому не надо."

Убежал мальчишка, заорал во дворе петух (на ломаном кастильском?), а он пепел смахнул с усов и чудом вдруг догадался: это все - от отца, и не только как пепел стряхивать, но и как трубку в карман прятать, чубуком вверх; а уж пуще всего - слова. Слова те вылитые отцовские; вот точно так он сидел на лавке и курил, либо ногти разглядывал, а спросишь - так и ответит.

Нет дома.

Что за зверь в чаще продирается, ветки гнет, вверх лезет? Как черный комок - по горлу? Или как пузырь в реке - радужный, или как сама река - только черная? Это стыд идет, диким зверем воет, пустым ветром шумит. Стыд идет! Ты стыд в своем мешке несешь, странник.

Сидят на скамье: справа стыд, подальше отец.

- Вы здесь меня обождите, я мигом.

Вот подходит он к давнему дому. Золоченые окна, ласковые перила. То-то челядь рты разевает. Как пропустили за ворота? Только он бочком - и мимо, по дорожке в сад. Вот он, мальчишка. Неужели удалось?

- Здравствуй, малыш.

- Здравствуй, отец.

Я не отец. За отца стыдно. Я - ты сам, который вырос.

- Теперь тебе нечего бояться.

Кроме дома.

- Ты скоро уйдешь отсюда.

- Куда?

- Куда окна не глядят, по дороге.

- А что я там найду?

- Все, что искать будешь. Чего будешь искать - найдешь.

- А чего мне ждать?

- Ничего не жди. Все исполнится.

- А если родители меня не пустят?

- Так не бывает. Посмотри на меня: видишь, ты вырос старше их. Они за тебя не придумают; а я всегда помогу.

Ох ты, морда веснушечья, маленький принц.

- Пора идти.

- Ты меня будешь учить?

- И ты меня.

Снится блудному сыну, как он уезжает из дома. И раньше снилось, и теперь снится. Да только теперь рядом с мальчиком скачет он сам, какой вырос. И мальчик смотрит на него, смеется счастливо. Ветер прохватывает грудь и стыд выдувает.

Снится старму отцу, что сын возвращается. Братья выносят из дома яркую одежду. Мычит бык, которого ведут резать. Чудится он сам себе тогда - Ноем, с лавром почему-то кругом лысины, спокойно стоящим у борта своего двора-ковчег. И идет сын - как голубь летит без веточки, со сломанным крылом. Чует старик тогда вдруг горячую кровь в шее, ходит она ходуном, а шея его - словно бычья холка до удара опоры. Тогда он голубю кричит: "Улетай!" - и просыпается.

Зовет трактирщик сына:

- Глянь, сынок, тот бродяга не смылся втихаря?

Мальчик заходит в дом вместе со снопом вечернего солнца и стаей затихающих мух. На скамье сидит странник с сияющими глазами и под бородой - улыбка.

- Поди сюда, - он машет рукою.

Мальчик осторожно подходит (странник сидит один на скамье в глухом углу), теребя наготове край полотенца, чтоб смести крошки или вытереть лужу. Пришелец все машет рукой, и он осторожно садится на край скамьи.

- Глянь, - и из каких-то страшных глубин (сколько же на нем одежды?) странник достает коробочку, кладет на стол, открывает:

И уже захватывает дух: золотой медальон!

Щелкает крышка, они склоняются над столом. На картине - мальчик в богатой одежде, смотрит гордо и жадно: "Ну же!.." Странник подвигает медальон:

- Бери. Твой.

Безошибочно (знал!) мальчик придвигает руку и поднимает округлившиеся глаза.

Путник уже встал, завязал мешок.

Он прикладывает палец к губам, подходит к окну, еще раз показывает: "Тише!", открывает раму и перелезает во двор.

Мальчик показывает на медальон, и взлетают брови: "А вы как?"

А странник осторожно, но торжествуя, тычет себя пальцем в грудь.

И прикрывает окно.

Сын шинкаря остается в темнеющей комнате с золотым медальоном, замирающим сердцем не смея выбрать шаг ни к двери, ни к окну.

* * *

Когда в большой группе людей я просил каждого выбрать какой-то из сказочных атрибутов и стать им, в зале появилось много проблемных завязок, маленьких существ, чудес и дорог в тридевятое царство; но на пятьдесят человек там оказался только один счастливый конец. Мы уже говорили, что сказка обречена на хороший конец. (Возможно, это мы обречены на то, чтобы считать этот конец хорошим). Но если отбросить эпитеты, ясно: сказка подходит к концу. И от этого нам...

Пытаясь разобраться в собственных неоднозначных отношениях с окончанием сказки, я прихожу вот к чему.

* * *

Сказка описывает схему, программу, чертеж, сценарий поведения. Когда этот сценарий создан людьми, я радуюсь его завершению. Я не встречал ни одного людского сценария, который требовал бы целой человеческой жизни. Прошли - получили - расплатились.

Многие из нас боятся выйти из сценария. Жизнь, свободную от жестких предписаний и правил, они чувствуют пустотой. Это образ актера (о гениальный Берн!) - когда спектакль окончен, как бы ни были долги овации, ты выходишь в ночь, один - и исчезаешь.

Жизнь может казаться пустотой или переполненным морем других существ, ролей и сценариев - как кому повезло. Мы можем сколько угодно интеллектуально понимать ценность второго взгляда, но человеческими сценариями он редко предусмотрен, а духовное развитие - вещь слишком сложная и дорогая. Мы боимся окончания сказки, хотя знаем, что она должна закончиться. Часто именно у этого самого конца и проходит основная часть жизни.

* * *

Но есть другие сценарии. В нас самих есть какие-то другие модели развития, неуловимые, но могущественные силы, приводящие к тому, что когда-то мы

влюбляемся, когда-то задумываемся о смысле, осознаем суетность, плачем просто так, познаем Бога и ощущаем душу, даже если нам никто об этом никогда не говорил.

В этих сценариях - и в сказках про них - тоже есть концовки, в них также есть явные границы, на которых одна сила передает нас в руки другой. Этим сказкам я больше верю. Их окончаний я часто боюсь.

* * *

На каких-то шагах мир - пустыня. На каких-то нет мгновения, которое можно потратить зря. На каких-то понятия "мир" и "зря" исчезают вместе с понятиями цели и тебя самого.

Многие сказки длятся вечно.

Плюс есть сказка о том, что можно прожить без искажений - без привязанностей - без иллюзий - без сказок.

И я - как вы, наверное, уже поняли - верю и тем, и другим, и третьим.

Маленькая теоретическая главка 13

МЕТАФОРИЧЕСКИЙ ЯЗЫК В ПСИХОТЕРАПИИ (СИМВОЛ ВЕРЫ)

1. Метафора не есть ловкий трюк влияния на чье-нибудь подсознание. Метафора есть способ образования и существования подсознания как такового. И произносящего ее, и воспринимающего.

2. Как сознание можно представить себе "ороговевшей", упрощенной, структурированной и мобильной "верхушкой" подсознания, так обычный язык может представлять собой застывшую, упрощенную, одномерную часть языка метафорического. Цель обеих "верхушек" можно представить себе как социализированное общение.

Так же, как в нормальном сознательном поведении всегда существуют бессознательные элементы, в любой речи "проглядывает" метафорическая основа.

3. В любом человеческом общении можно выделить следующие компоненты:

Я (созн. <----> бессозн.) <-----> ТЫ (созн. <----> бессозн.)

Например, в случае общения терапевта и пациента можно представить себе следующие практически одновременные трансакции (обмен информацией):

Ст-Сп (сознание терапевта - сознанию пациента, слышимая речь): Как Вы себя чувствуете?

Сп-Ст: Плохо. У меня постоянная слабость и головокружение.

Ст-Бп (сознание терапевта - бессознательному пациенту): Я беспокоюсь о тебе. Я принимаю твои чувства, какими бы они ни были. Я добрый доктор. У меня есть волшебная мазь.

Сп-Бп: Я тебя не знаю.

Бп-Бт: Я - девочка, наступившая на хлеб. Теперь я не сделаю никуда никакого шага - разве что ты знаешь какую-нибудь классную игру?

Бт-Бп: Я похож на хлеб. Наверное, ты опять на меня наступишь.

Ст-Бт: Чего бы мне такого предпринять?

Бт-Ст: Ты - герой. Ты - большой папа. Ты спасаешь слабых и беззащитных. Так когда-нибудь ты доберешься и до меня.

Любая из приведенных здесь фраз является метафорой в том смысле, что содержит не прямые, а параллельные и ассоциативные понятия. В "объективном" смысле нет ни хлеба, ни мази, ни головокружения. Назови мы их внутренним состоянием, психологической помощью и симптоматикой, реальности мы им не прибавим.

4. Человеческое общение имеет основные свои мотивы и смысл вовсе не на уровне содержания (обмена объективной информацией), а на других уровнях - прежде всего отношенческом и метафорическом (символическом). Отношенческий уровень - "выяснение отношений", прощупывание, налаживание и поддержка взаимных позиций говорящего и слушающего. Подоплекой обычных разговоров служат вопросы близости ("Ты меня уважаешь?"), власти и контроля ("Кто здесь главный"), взаимопомощи ("Ты моя мама" - "Нет, крокодил" - Нет, мама!")

Метафорический уровень - символика, выражающая что угодно, но прежде всего те же отношения с партнером, собственный онтологический статус, желания, вытесняемые мысли и чувства. Например, в начинающейся группе практически любая фраза выражает ожидания и предсказания о работе и жизни в группе. Тот, кто говорит о перемене погоды, очень вероятно, настроен на изменения в процессе групповой работы; реплика другого, что в такое время он из дома не выходит, может предупреждать, что он в этой работе особо участвовать не намерен.

5. Метафорический язык (сказки, истории, аллегории и т.п.) является, по сравнению с обычным, более открытой формой общения между сознательными и бессознательными структурами двух людей. В отношении бессознательного можно сказать, что такой язык является более прямой речью.

б. В психотерапевтическом общении, где почти неизбежно активно участвует бессознательное ("терапевт" начинается там, где "сознание" пасует), метафорический язык ценен по нескольким причинам:

1) и 2) Он более, чем обычный, открыт для анализа и понимания. Здесь символика почти ни за что не прячется. Если клиент, "не выходящий из дома", сравнит себя с улиткой или премудрым пескарем, он гораздо более открыто опишет свою жизненную позицию и ожидания. Настолько открыто, что, воз-можно, никакой дальнейший анализ не нужен: проведена точнейшая диагно-стика, в терминах, понятных для бессознательного терапевта ("меланхолик" или "интроверт" терапевту пришлось бы еще переводить для собственного подсоз-нания).

3) Он мощнее по возможности интервенции, то есть терапевтического вмешательства, проходящего в основном от Ст к Бп и от Бт к Бп. Именно сказка и аллегория "западает в душу" пациента, вызывая любые возможные процессы: обострение конфликта, катарсис, определение темы для собственных медитаций.

4) Он легче для восприятия пациентом, поскольку автоматически "усыпляет" сознание - во всяком случае, дает ему долгожданную возможность отключиться.

Что более всего наш разум восхищает? Что обещает то, что разум запрещает.

(Ольга Седакова)

7. По тем же самым причинам, как мне кажется, метафорический язык труден для использования. Его употребление способствует взаимодействию сознания и подсознания терапевта (как только он делает хоть шаг в сторону от готовых форм). Можно сказать, что создание и коммуникация метафор прямо пропор-циональна открытости между сознательным и бессознательным у человека, осо-бенно у психотерапевта (человек, который становится психотерапевтом, как правило, имеет двойственные "сильно заряженные" отношения с собственным бессознательным).

Трудность использования метафорического языка в психотерапии обу-словлена еще и тем, что он более просто и открыто описывает взаимоотношения между терапевтом и пациентом - опять-таки, часто область полутеней и заморо-чек.

8. Описанная модель сознания и обыденного языка как стерилизованных "верхушек" применима и к психотерапии. Различные формы психотерапии по степени "дружбы" с бессознательным разнятся примерно так же, как языки ма-тематический, разговорный и сказочный. На "твердой" поверхности располага-ется рациональная психотерапия, рядышком - классический гипноз и бихевио-ризм. Это "математика": жесткие правила поведения, рецепты, очень сознатель-ные действия. В глубине "варится" что-то малопонятное, неоформленное: меди-тация, релаксация, музыкальная терапия, где есть "что-то" с "чем-то", влияющие друг на друга неизвестными путями. Формы посередине так или иначе работают на два фронта, способствуя открытому общению сознания и подсознания.

Модель НЛП "программируемого" подсознания, как мне кажется, слиш-ком мила и красива, чтобы иметь выход на серьезные бессознательные процес-сы. Наиболее близки и способны работать с ними, по моему мнению, те формы психотерапии, которые совершают свободные путешествия в мире внутреннего опыта, общения и осознания происходящего, с максимальной готовностью к любому результату. Это психоанализ, транзактный анализ, гештальт, психод-рама и их многочисленные динамические формы. Все они предусматривают:

- 1) наличие бессознательного у пациента и у психотерапевта;
- 2) серьезную и постоянную проработку "связей" сознания и бессознатель-ного у психотерапевта при обучении, супервидении, саморефлексии;
- 3) амбивалентность (двойственность, внутреннюю противоречивость) ос-новных чувств, целей, форм общения и самого процесса психотерапии;
- 4) использование метафорического языка с переводом на язык разговор-ный.

9. Я полагаю, что исследование и использование метафорического языка способно привести к значительному углублению существующих форм психотерапии и созданию новых, способных к интересной и многосторонней работе с бессознательным и - следовательно - углублению аутентичной близости между людьми. Это гораздо больше, чем "терапевтические метафоры", с большим трудом конструируемые сознательно и почти не работающие.

Для такой работы с метафорическим языком необходим постоянный перевод символов на уровень непосредственных взаимоотношений, жизненных сценариев, ценностей и убеждений как пациентов, так и терапевтов. Наиболее жизнеспособным здесь, мне кажется, может быть дельфин, то плывущий в глубине непосредственного опыта, то вынырывающий в область обычных поступков и здравого смысла.

10. Я также полагаю, что подобная работа с метафорическим языком не получит значительного распространения, так как открыто общаться с собственным подсознанием и другими людьми вовсе не входит в реальные цели ни психотерапии, ни современной культуры.

* * *

Автор. Ну что, теперь послесловие?

Критик. Нет уж, послесловие - это твоя забота. Просто мы тут написали несколько сказок. Я, в сущности, написал на тебя пародию - надо же обязанности критика исполнять. И мы хотим, чтобы это тоже вошло в книжку. Как приложение.

Автор. Ну, это очень здорово, но финала красивого теперь, прямо скажем, не выйдет... Ладно, мы тут столько дали финальных нот, что уже не страшно. У меня тут еще обращение к сказкам...

Критик. Сентиментальность.

Автор. Ну и финальное слово читателям.

Критик. Наивность. Те, кто дочитали досюда - это уже просто сподвижники, зачем же с ними прощаться?

Автор. И то верно. Ну, все. Конец книжки. Привет!

ПРИЛОЖЕНИЕ 1. СКАЗКИ, СОЧИНЕННЫЕ НЕ АВТОРОМ

* * *

Меня вообще-то вопросы авторства не очень волнуют, но я здесь не один. Поэтому признаюсь: сказку "Сон про мужиков" и "Пародию" (сочинение Критика) создал мой брат Барабошка (Соколов Владимир). Сочинение Розовой девушки про молчание и молчание - это сказка Ольги Дунец из Бреста. Сочинение Настоящего мужика про Льва и Деву - сказка Николая Дмитриевича Узлова из города Березники. Стихотворение Пофи было написано Аней Киреевой (ныне Anna Young).

Сочинение Критика.

Как, кап, кап... Много лет тому назад у подножья высоких гор в цветущей долине Ива росла у ручья. А рядом с ручьем возле леса стоял (да и стоит до сих пор) маленький домик. Это мы с моей внучкой Манькой в домике живем-поживаем, а добра не нажили пока. Как, кап, кап... Ну вот, смотрите, люди добрые, вон и крыша протекает. И послала меня Манька на базар: денег у нее не было, она и решила: продам чего-нибудь. Ей самой страшно было ехать, она меня с утрачка и отправила. Сел я в лодку, и по Лень-ручью - на базар.

А тут я на лодке плыву, весла волочатся. Хочу рыбу поймать большущую, жду, пока сама в лодку заплывет. Смотрю, мимо я плыву на лодке, гребу вовсю. "Ты, - кричу, - рыбу бы ловил, чем веслами плескаться!" "Ну, - говорю, - помоги, коль не шутишь". "А-а-а, мне ловить-то лень". Однако, не плывет рыбина. Я размышляю: чего ж она ждет, в лодку не плывет? Думаю: борт высок. Взял топор, в борту дырку прорубил. А тут я речку мимо перехожу, смотрю: стоит мужик, топором машет. Взял я топор, рядом пристроился. Вода потекла. А тут я мимо на базар проплываю. "Эй, - кричу, - болезные, что ж вы все топорами? Хотите, пилу притащу?" "Пилу, - я говорю, - это что ж, это дело, давай, тащи". "Слышь, - говорю, - Лень-ручей, парень я - работейного складу!" Ну, он меня по привычке аж до Ивы и выплеснул. Ива стоит и ворчит: "Расти страшно. Зимой бьют морозы, летом сушит солнце. Нет, пусть лучше меня возьмут дровосеки". И что бы вы думали? Услышали мы такие слова и ну к дереву! (Тем более что лодка моя ниже, ниже, ну и на дно приплыла.) Парень своим топором замахнулся, а я ему и говорю: "По легенде пришел БОРОДАТЫЙ дровосек и срубил дерево, а у тебя борода есть?" Парень забулькал, задумался. "И верно, - говорит, - нет". Перестал он топором замахиваться и ушел восвояси, споткнувшись о зонт возле Ивы.

Как, кап, кап, кап... Да закрутите вы кран, в конце концов!.. На обыкновенном дубе вырос желудь необыкновенной величины. Скоро все все поняли и даже голуби - самые обыкновенные серые голуби - и те все поняли. Ну конечно! У старушки Долли родилось! Яйцо прямо на дубу. Нет, это все сказки: в те времена мало кто уже выбрал себе окончательный вид, и почти все существа менялись как хотели; так что, например, котята могли спокойно мыть лапки в лунном свете, а драконы превращаться в стрекоз.

Кап, кап, кап... Что? Опять? Да не волнуйся ты, это просто маленькая недодуманная сказочка-боевичок плачет и слезинки капают. Да? Ну... Что ж она сразу не сказала... Ну давай, сказочка, выкладывай-ка суть свою.

- Из дальнего далече шел по пустыне домой заяц. Шерстка его вытерлась, глаза застилала слезная дымка. Третий день он брел без воды... Иногда он видел миражи; заяц-то косой: смотрит прямо, видит влево. Однажды пришел заяц домой и говорит (на ломаном кастильском?): "Нашел я себе папу и маму получше". Вот на этом я и заканчиваюсь...

- Ну что с тобой делать? Все сказки как сказки, а тебе хоть кол на голове теши - ни в какую. Иди и макнись в солнечный свет!

Ушла.

Ну и что?

Я собрал все свои сказки недавно. Старые они были, поломанные и запачканные. Кто такие возьмет? Эх, молодость! Плюнул, выбросил мешок со сказками за крыльцо. Там и валяется. Кто интересуется - подходи, выбирай. Только чур - не для малых ребятишек!

Сочинение Психолога-милашки.

Водила ночью мама ребенка по Москве.

Зима была, снега мела: много.

- А вот тот дядя - видишь, за окном сидит? - он убьет тебя.

- Убьешь, дядя? - спрашивал малыш.

- Убью, - говорил дядя, не отрываясь от бумаг.

- А как, мама? - спрашивал ребенок.

- Он прикажет, а другой выстрелит. Видишь, солдат на посту стоит? Он и выстрелит.

- Выстрелишь в меня? - говорил ребенок.

- Выстрелю, браток, - серьезно отвечал солдат, запахиваясь воротником от ветра.

- Пойдем, сынок, - говорила мама. - Холодно над Москвой.

- Холодно, - притихал ребенок. Уводила его мама над крышами, тучи злые, колючие трещали под ногами.

Уходил пиджачный человек из кабинета, гасил свет.

Уходил солдат с поста.

Оставалась Москва пуста.

Только выстрелы.

Сочинение Розовой девушки.

Однажды там, где нужно было слово, встретились молчание и молчание. За один шаг до надвигающейся беды узнали друг друга две горькие обиды. Взгляды их выражали одиночество, пустоту, и в них было что-то тоскливое.

Вдруг раздвинулась бездна и за спинами встали твердые скалы. Ужаснулись молчание и молчание. Они увидели конец своей дороги. Немые губы сжались и языки мучительно искали слово.

Их силы были на исходе. И осталось - не вместе жить, а вместе умереть. И потянулись руки навстречу, и слово родилось: "Прости!"

Сочинение Настоящего мужика.

Жил-был в лесу Лев, царь зверей. Он правил лесом равномерно и справедливо, и звери были довольны им. Много лет прожил Лев в своем лесу. И вот однажды, совершенно случайно, он увидел в нем деву. Это было удивительное существо, во всяком случае, Лев такой до сих пор не видел. И он влюбился в эту деву без памяти. И сразу же предложил ей стать его женой.

Дева вначале не соглашалась, но, конечно, ей на самом деле льстило предложение от царя, и к тому же, Лев ей тоже очень понравился. Вскоре она согласилась. И хотя лесные звери не высказывали по этому поводу никакого энтузиазма, Лев привел деву в новый дом, который выстроил в самом центре леса. И стал с ней там жить.

Конечно, он немного отошел от дел. В его сердце бушевала настоящая любовь. Он обожал деву, он боготворил ее, он каждый день начинал с того, что любовался на

то, как она спит или просыпается. Все это было не в зверином характере, но Лев... Лев забыл про свой звериный характер.

А дева, немного освоившись в новом доме, быстро принялась наводить собственные порядки. И всем, кто видел их дом, было понятно: она хочет сделать из Льва домашнюю кошку. Она остригла ему гриву. Запретила выходить ночью. И пошла, и пошла...

И Лев тоже скоро понял, чего хочет Дева. Он был зверем, и он по-прежнему должен быть править лесом. Он обожал Деву, но он не хотел, не мог становиться кошкой. Он был Львом. Он должен был остаться зверем - но он безумно любил Деву. Больше всего на свете он хотел обладать ею...

И вот однажды Лев Деву проглотил.

Сочинение Пофи.

Раскосый дождь отметит день,
отметит вечер, ночь и утро,
отмоет ржавый, толстый пенек,
раскроет ухо перламутром

бездомного седого зайца,
легко дрожащего ноздрей,
который в роли постояльца
запой переживает свой.

Сияют гусениц лодыжки,
телесной прелестью маня.
Блестит железная мормышка,
как утро трудового дня.

Медведка мчит вдоль косогора.
Медведкин ужин не готов.
Ей чужды праздные просторы
звенящей влажности лесов.

Она эстетики не ищет,
ей наплевать на капель взлет.
На зайца взглянет, скажет - хлыщик,
мормышку грязно обзовет.

Она гармонии не внемлет,
ее безденежье гнетет.
Она упорно роет землю,
а дождь идет,
идет,
идет...